

ЗАПИСКИ

Семипалатинскаго Подъотдѣла
ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Цѣна 1 рубль. п. 25978.

Выпускъ X.

Вышелъ изъ печати
31 декабря 1915 г.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.
Семипалатинская Областная Типографія.
1915 г.

Сказанія и сказки киргизъ.

Сказаніе о созвѣздіи Плеядъ.

Плеяды зиму водять. Прежде онѣ были на землѣ, всѣхъ ихъ было восемь. Зима тогда продолжалась восемь мѣсяцевъ. Животнымъ было трудно прожить восемь зимнихъ мѣсяцевъ и они рѣшили избавиться отъ зимы. Собрались всѣ животныя и стали судить и рать, какъ имъ отъ зимы избавиться. Лошадь предложила свои услуги— всѣхъ плеядъ копытомъ раздавить. Корова стала наставлять, чтобы ей поручили это сдѣлать, такъ какъ у нея копыто двойное, и ей поэтому скорѣе удастся всѣхъ плеядъ сразу раздавить. Животныя согласились съ коровой. Корова наступила, но задавила лишь одну, а остальные семь спаслись тѣмъ, что копыто было расщеплено, и улетѣли на небо. Зима съ тѣхъ поръ стала равна семи мѣсяцамъ. Если бы животныя покончили со всѣми плеядами, то теперь зимы совсѣмъ не было бы. Виновата во всемъ этомъ корова.

О Соломонѣ и его женѣ.

Соломонъ росъ сиротой. Богъ послалъ ему колечко. Соломонъ надѣлъ колечко на руку и сталъ понимать все: языкъ звѣрей, птицъ, травъ и т. д.. Разъ, умываясь передъ молитвой въ рѣкѣ, Соломонъ снялъ колечко и положилъ на камень. Плылъ мимо язь, увидалъ блестящее колечко, схватилъ его и проглотилъ. Соломонъ безъ колечка сталъ опять простымъ человѣкомъ. Онъ пошелъ по берегу и увидалъ рыбацью избу. Зашелъ въ избу, а въ ней ста-

руха-людоѣдка съ красавицей дочерью. Старухѣ жалко стало молодого Соломона и она сказала ему: „Уходи скорѣе, если хочешь быть живымъ: старикъ мой прійдетъ, съѣстъ тебя.“ Но Соломонъ увидѣлъ красавицу Булукъ и рѣшилъ не уходить.— „Пусть съѣстъ, — я не пойду отсюда!“ —сказалъ онъ старухѣ. Тогда старуха спрятала его въ золотой ящикъ, положила ему туда шелковую подушку: она въ мысляхъ рѣшила сдѣлать его своимъ зятемъ. Пришелъ старикъ Чаль.— „Духъ киргизскій здѣсь. Кто-то есть здѣсь. Давай его, —я съѣмъ!“ —и сталъ Чаль ножъ точить. Красавица Булукъ, видя все это, заплала: „Вечеромъ Чаль наловилъ много рыбы, отобралъ жирную и принесъ домой.. Чаль спросилъ у старухи: „У насъ есть человѣкъ?“ Та отвѣчала ему: „Можетъ быть Богъ дастъ намъ человѣка, когда мы переночуемъ.“ Переночевалъ Чаль, а утромъ старуха показала ему Соломона. Чаль хотѣлъ поймать его и съѣсть, но дочь поймала Чала за горло. Послѣ этого Соломонъ женился на Булукъ. Одинъ разъ Чаль наловилъ много рыбы и принесъ домой. Булукъ стала чистить ее и нашла въ одномъ язѣ колечко. Соломонъ увидалъ колечко и сказалъ: „Это мое колечко: я, когда умывался передъ молитвой, положилъ его на камень, а язъ утащилъ его, послѣ этого я пошелъ по берегу и пришелъ къ вамъ.“ Булукъ отдала колечко Соломону, онъ надѣлъ его и опять сталъ все знать. „Что тебѣ, Булукъ, надо?“ —сказалъ онъ. „Я теперь все могу сдѣлать, могу построить тебѣ дворецъ золотой.“ Булукъ попросила сдѣлать ей юрту изъ костей всѣхъ птицъ. Созвалъ Соломонъ всѣхъ птицъ. Булукъ посмотрѣла птицъ и сказала Соломону: „Не всѣ птицы. Нѣтъ птицы съ русыми глазами, небольшой ростомъ, которую зовутъ байгусъ: ты ее за былъ позвать.“ Послалъ Соломонъ за байгусомъ ворону. Летала ворона три дня, но байгуса найти не могла. Тогда послалъ за байгусомъ Соломонъ сокола и велѣлъ принести его бережно живого. Леталъ соколъ три дня, наконецъ нашелъ байгуса подъ камнемъ на горѣ, но достать его не могъ. Тогда соколъ спросилъ его, что онъ подъ камнемъ лежитъ. „Думу думаю —отвѣтилъ байгусъ. „Я не слышу,“ —сказалъ соколъ. Высунулъ байгусъ голову, чтобъ соколу слышнѣе сказать, соколъ поймалъ его и принесъ Соломону. Соломонъ спросилъ байгуса: „Почему ты не пришелъ во

время? или ты думалъ, что живъ будешь? „Я думу думалъ“ -отвѣтилъ байгусъ. „Какую думу?“-спросилъ Соломонъ. „Я считалъ, косогоровъ или ровной земли больше.“ Соломонъ зналъ, что ровной земли больше и спросилъ байгуса, чего больше.- Больше косогоровъ“-отвѣтилъ тотъ. „Почему косогоровъ больше?“-спросилъ Соломонъ. Доказалъ ему байгусъ, что косогоровъ больше: онъ считалъ за косогоры и кучки, нарытыя кротомъ. „Еще что думалъ?“-спросилъ Соломонъ. „Думалъ, кого больше, живыхъ или мертвыхъ.“- „Кого же больше?“ спросилъ Соломонъ. „Мертвыхъ больше“-отвѣтилъ байгусъ. Но Соломонъ зналъ, что живыхъ однимъ человѣкомъ больше, и спросилъ, почему онъ думаетъ, что мертвыхъ больше. „Я тѣхъ, которые спятъ, когда солнце уже высоко на небѣ, за мертвыхъ считалъ“-отвѣтилъ байгусъ. „Что ты еще думаешь?“ спросилъ Соломонъ. „Еще думалъ я, кого больше—мужиковъ или бабъ?“—Соломонъ зналъ, что мужиковъ однимъ больше и спросилъ: „Кого больше?“— „Больше бабъ“-сказалъ байгусъ.-Сталъ Соломонъ съ байгусомъ спорить, но байгусъ и тутъ ему доказалъ. „Я того, кто слушаетъ бабу, за бабу считалъ“-сказалъ онъ. Соломонъ тагъ разозлился, что съ досады пошелъ и утопился въ рѣкѣ. Жена его, красавица Булунъ ушла послѣ этого въ небо и стала звѣздой Джира-Джулдузъ—Зорьницей.

Киргизы, передъ тѣмъ какъ отправиться въ путь по водѣ, обращаются съ молитвой къ Соломону, говоря: „Помоги и сохрани насъ, Соломонъ.“

На мѣсяцѣ есть змѣй и старуха: смотрѣть на мѣсяцъ грѣхъ,—хворость привяжется.

О Кадырѣ

Одинъ человѣкъ, помирая, позвалъ сына своего и сказалъ ему: „При жизни своей я похоронилъ сорокъ человѣкъ, когда помру я, ты очисти кости мои и снеси ихъ этимъ святымъ сорока человѣкамъ, на западъ; они встрѣтятъ тебя, возьмутъ кости мои и похоронятъ.“ Когда померъ человѣкъ, сынъ очистилъ кости его, сложилъ ихъ въ мѣшокъ и понесъ на западъ. Шелъ, шелъ онъ и

увидаль близъ дороги двухъ богатырей, которые боролись; вблизи сидѣла дѣвушка, закрывшись, и глядѣла изъ подъ покрывала на нихъ. Онъ подошелъ къ дѣвущкѣ и спросилъ ее, изъ-за чего богатыри борются. „Изъ-за меня,“—отвѣтила дѣвушка и спросила его, куда онъ пошелъ. Узнавъ же, что онъ пошелъ къ святымъ, она стала просить его спросить у Кадыра, кто изъ богатырей поборетъ. Онъ общалъ ей спросить и пошелъ дальше. Идетъ онъ и видитъ, ягненокъ бѣгаетъ отъ овцы къ овцѣ и реветъ. Увидаль его ягненокъ и спросилъ, куда онъ пошелъ. Узнавъ же, что онъ къ святымъ пошелъ, сталъ просить его спросить у Кадыра, отчего онъ не поправляется, хотя сосетъ сорокъ матерей. Общаль онъ ягненку спросить Кадыра и пошелъ дальше. Идетъ и видитъ: сорокъ мулъ Богу молятся. Увидали его муллы и спросили, куда онъ пошелъ. Узнавъ же, что онъ къ святымъ пошелъ, стали просить его спросить у Кадыра, приготовлено ли мѣсто для нихъ у святыхъ. Общаль онъ и имъ спросить у Кадыра и пошелъ дальше. Шелъ и встрѣтилъ семь человѣкъ разбойниковъ. Узнали разбойники, что онъ къ святымъ пошелъ и стали просить его спросить у Кадыра, гдѣ ихъ мѣсто будетъ, когда умрутъ. Общаль онъ и имъ спросить Кадыра, и пошелъ дальше. Шелъ и повстрѣчалъ слѣпого. Узналъ слѣпой, что онъ къ святымъ пошелъ и сталъ его просить спросить у Кадыра, всегда ли онъ слѣпымъ будетъ. Общаль онъ и ему спросить Кадыра, а самъ пошелъ дальше. Идетъ и видитъ: ходитъ лошадь худая прехудая, а трава кругомъ хорошая, высокая, сочная. Спросила его лошадь, куда онъ пошелъ. — Узнавъ же, что онъ къ святымъ пошелъ, стала просить его спросить Кадыра, почему она поправиться никакъ не можетъ. Общаль онъ и лошади спросить Кадыра, а самъ пошелъ дальше. Идетъ и видитъ больной аистъ лежить. Узналъ аистъ, что онъ къ святымъ пошелъ, и сталъ его просить спросить у Кадыра, когда ему легче будетъ. Общаль онъ и аисту спросить Кадыра, а самъ пошелъ дальше. Идетъ и видитъ сорокъ человѣкъ роютъ. Подошелъ къ нимъ, они взяли у него кости отца и похоронили. Онъ обрадовался и отправился домой, забывъ Кадыра спросить о томъ, о чемъ просили. Идетъ, а на встрѣчу идетъ старикъ въ чалмѣ, въ бѣлоснѣжной одеждѣ. Повстрѣчался

старикъ и спросилъ его, схоронилъ ли онъ отца. „Схоронилъ“ — отвѣтилъ онъ старику. „Что же ты не спросишь ни о чемъ меня?“ — сказалъ старикъ. Тогда онъ вспомнилъ, о чемъ общалъ спросить Кадыра, и рассказалъ все ему. Кадыръ сказалъ ему: „Когда будешь подходить къ тому мѣсту, гдѣ аистъ лежитъ, подойди такъ, чтобъ онъ не видѣлъ тебя, и испугай его. Онъ проглотилъ камень драгоцѣнный, летѣлъ изъ одного озера на другое, упалъ и лежитъ теперь, у него уже бокъ гнить началъ. Лошади скажи, что она напрасно думала тамъ поправиться, гдѣ трава густа и гдѣ тепло всегда, — она тамъ поправится, гдѣ зимой холодно, гдѣ лѣтомъ мошекъ много. Слепому скажи, что оттого онъ родился слѣпымъ и сорокъ лѣтъ не видѣлъ ничего, что въ утробѣ матери еще подумалъ, что когда будетъ большимъ, то всѣхъ обокрадетъ. Дунь ему въ лѣвый глазъ и скажи, чтобъ онъ шелъ по дорогѣ направо. Разбойниковъ встрѣтишь, — скажи имъ, что гдѣ они хотятъ, вездѣ имъ готово будетъ мѣсто. Мулламъ скажи, что имъ мука вѣчная будетъ. Ягненку скажи, что онъ тогда поправится, когда одну мать сосать будетъ. Дѣвушкѣ скажи, что богатыри другъ друга не переборять, что замужъ она за того выйдетъ, у кого лицо бѣлое, носъ долгій.“ — Сказавъ ему это, Кадыръ скрылся. А онъ пошелъ, подкрался къ аисту и испугалъ его. Аистъ вздрогнулъ, выронилъ изо рта драгоцѣнный камень и улетѣлъ. Онъ взялъ драгоцѣнный камень и пошелъ дальше. Встрѣтилъ лошадь, рассказалъ все, что Кадыръ говорилъ. Ушла лошадь туда, гдѣ зима холодна, померзла зимой а весной поправилась. Встрѣтилъ онъ слѣпого, дунулъ ему въ лѣвый глазъ и велѣлъ идти по дорогѣ направо. Слепой сталъ лѣвымъ глазомъ видѣть и пошелъ по указанной дорогѣ. Шелъ онъ и нашелъ на дорогѣ луковичу. Поднялъ ее, положилъ за пазуху и пошелъ дальше. Встрѣтилъ его Кадыръ, дунулъ ему въ правый глазъ и сталъ онъ видѣть правымъ глазомъ. Кадыръ сказалъ ему: „Заплати мнѣ за доброе дѣло, чѣмъ можешь.“ Прозрѣвшій отвѣтилъ, что онъ ничего не имѣетъ. Тогда Кадыръ велѣлъ ему распоясаться. Когда онъ распоясался, то луковица выпала. Кадыръ поднялъ луковицу и сказалъ: „Мнѣ и этого довольно. Иди и не воруй. Если воровать будешь, опять ослѣпнешь.“ Разбойники же, когда имъ сказано было, что мѣсто имъ вездѣ будетъ, принимали

это за насмѣшку. Когда же онъ сказалъ мулламъ, что ихъ ждетъ мука вѣчная, муллы перестали молиться Богу и пошли баксить по степи. Когда онъ сказалъ ягненку, что онъ поправится, когда будетъ сосать одну мать, ягненокъ раскаялся что-думалъ, имѣя сорокъ матерей, быть жирнѣе всѣхъ. Сталъ сосать одну мать и скоро поправился. Дѣвушка, которая ждала, когда богатыри поборются другъ друга, узнавъ, за какого человѣка она выйдетъ замужъ, взглянула на говорившаго и сказала: „Это ты“ и ушла съ нимъ, а богатыри и теперь еще борются.

О Большой Медвѣдицѣ.

На землѣ жили семь воровъ. Грабили они всѣхъ, кто попадалъ имъ на пути, даже у нищаго старика послѣднѣй костыль отбирали. Днемъ они воровали, а ночью молились Богу и мучили себя, раскаиваясь въ грѣхахъ, совершенныхъ днемъ. Богъ простилъ ихъ и предложилъ имъ выбрать себѣ мѣсто. „Прости насъ, Господи, куда посадишь, туда и сади“—отвѣтили они. Тогда Богъ взялъ ихъ на небо. Это семь звѣздъ Большой Медвѣдицы.

О Ежѣ.

Богъ и дьяволъ друзьями раньше были. Дьяволъ выпросилъ у Бога мѣсяцъ и солнце. Нельзя было отказать другу и Богъ отдалъ ему мѣсяцъ и солнце. Стало темно во всемъ мірѣ. „Что дѣлать? какъ быть?“—думаетъ Богъ. Ежъ и говоритъ ему: „Попроси дьявола сдѣлать изъ лучей солнца коня, изъ масла сѣдло сдѣлать, сшить это сѣдло песочной дратвой. Если не сдѣлаешь онъ тебѣ этого, то пусть отдастъ назадъ мѣсяцъ и солнце.“ Сталъ Богъ просить у дьявола, что ему ежъ говорилъ. Дьяволъ не могъ ничего сдѣлать и отдалъ назадъ мѣсяцъ и солнце. Послѣ этого дружба у нихъ кончилась.

Ежъ раньше былъ человѣкомъ.

О Суркѣ.

Жили два человѣка. У одного изъ нихъ было много дѣтей, а у другого дѣтей не было. Хлѣбъ они сѣяли рядомъ, на одной

пашнѣ. Одинъ разъ они посѣяли, какъ всегда, рядомъ хлѣбъ. У дѣтнаго хлѣбъ плохой родился, а у бездѣтнаго хорошій. Сталъ дѣтныи хорошій хлѣбъ себѣ присваивать. Стали спорить. Свидѣтелей, какъ они сѣяли, никого не было. Одинъ Богъ только видѣлъ. Дѣло до царя дошло. Дѣтныи говорить царю: „Спроси хлѣбъ, чей онъ. Хлѣбъ самъ скажетъ.“ Собрали понятыхъ и пошли на пашню. Пришли и спросили худой хлѣбъ, чей онъ. Худой хлѣбъ молчитъ. Спросили хорошій хлѣбъ. „Я того, у котораго дѣтей много“ — отвѣтилъ хорошій хлѣбъ. Велѣлъ царь хорошій хлѣбъ отдать тому человѣку, у котораго дѣтей было много. Когда споръ былъ оконченъ, тотъ, у котораго дѣтей много было, пришелъ на пашню и сталъ своихъ дѣтей звать. „Дѣтки, дѣтки, выходите!“ — Они выскочили изъ ямокъ, въ которыхъ сидѣли, закричали: „чуй, чуй“ — да и убѣжали. Человѣкъ для того, чтобы хлѣбъ сказалъ, чей онъ, посадилъ въ ямки по краямъ хлѣба своихъ дѣтей и научилъ ихъ, что надо было говорить. Богъ за обманъ наказалъ его, сдѣлавъ дѣтей его сурками.

О лисицѣ.

Былъ человѣкъ, который всѣхъ обманывалъ на базарѣ. Богъ его наказалъ: велѣлъ ему со всѣми обманутыми расплатиться, сдѣлалъ его лисицей. Теперь онъ шкуркой своей со всѣми расплачивается

О медвѣдѣ.

Медвѣдъ раньше былъ человѣкомъ. Если поймаетъ медвѣженка, то онъ закричитъ, какъ ребенокъ: „Ой-баяя!“ У медвѣды только одного пальца нѣтъ.

О сорокѣ.

У одного человѣка жена была такая сплетница, что изъ-за нее никто не сталъ принимать его кочевать вмѣстѣ. Съ десятью аулами онъ кочевалъ, она всѣ аулы перессорила. Сталъ этотъ

человѣкъ Бога просить, чтобъ избавилъ его отъ бѣды. Богъ сдѣлалъ жену его сплетницу сорокой.

О горѣ Сартулогой.

Гору эту несли отецъ съ сыномъ съ намѣреніемъ запрудить Иртышъ. Ночью, когда отецъ спалъ, сынъ тайкомъ сходилъ къ женщинѣ. Утромъ, когда хотѣли поднять они гору и нести дальше, сынъ не могъ поднять. Тогда отецъ, за то, что сынъ ослушался, убилъ его. Гора такъ и осталась на равнинѣ.

О происхожденіи Киреевъ.

Изъ за моря, отъ Чингисъ-хана, пришли три человѣка: они искали косякъ лошадей и заблудились. Старшаго изъ нихъ звали Аргынъ, средняго-Алшымъ, младшаго-Найманъ, — отъ нихъ то и произошли киргизы. Первымъ же киреемъ былъ Абакъ, братъ Наймана. У Абака было двѣнадцать сыновей; шесть изъ нихъ были убиты калмыками. Вдовы, оставшіяся послѣ ихъ смерти вышли замужъ, отъ нихъ произошли нечистые киреи. Всего киреевъ двѣнадцать родовъ: Озыкъ, Джантыкей (Джадыкей), Черюшы, Озукмултыкъ, Сибанъ, Баракъ, Джастабанъ, Уакъ, Чекбатаръ, Каракасъ, Таскуюкъ, Коньсадакъ, — шесть чистыхъ и шесть нечистыхъ. Нечистые роды получили названіе отъ признаковъ жениховъ вдовъ: пріѣхалъ одинъ въ сѣдлѣ съ черной лукой, — отъ него родъ Каракасъ; пріѣхалъ другой съ камнемъ запазухой, — собакъ боялся, — отъ него родъ Таскуюкъ; третій пріѣхалъ съ колчаномъ и лукомъ, — Коньсадакъ.

О девяти братьяхъ.

У девяти братьевъ было девять тысячъ коней. Они узнали, что снѣгъ зимой будетъ глубокій, что будетъ сильный падежъ скота, и уѣхали на другое мѣсто, — а мать свою, которая ходила послѣднее время, оставили на прежнемъ мѣстѣ и велѣли ей, если родитъ мальчика, назвать его Ерытустюкомъ. Уѣхали братья, заблудились

въ степи и потерялись. Мать ихъ родила мальчика и назвала его Ерътустюкомъ. Ерътустюкъ, когда выросъ, сталъ спрашивать у матери, одинъ онъ былъ у нея или были еще дѣти. Она рассказала ему о потерявшихся братьяхъ. Поѣхалъ Ерътустюкъ искать братьевъ. Долго ѣздилъ онъ по степи, наконецъ нашелъ братьевъ. Братья его не имѣли ни огня, ни ножа, и обросли волосами. Ерътустюкъ обрилъ ихъ и разложилъ огонь. Стали братья грѣться у огня. Ерътустюкъ тоже сталъ грѣть спину. Братья увидѣли на его спинѣ гривку и стали спрашивать, какъ его зовутъ. Онъ сказалъ имъ свое имя, — братья узнали, что онъ братъ ихъ, заплакали отъ радости. Ерътустюкъ привелъ ихъ обратно на старое мѣсто къ матери.

По повѣрью киргизъ, богатыри рождаются съ гривкой на спинѣ.

О Чингисѣ.

У одного царя родилась дочь красавица. Чтобы никто не видѣлъ ее, царь сдѣлалъ для нея желѣзный домъ съ однимъ маленькимъ окошечкомъ, черезъ которое проникалъ только свѣтъ. Разъ царская дочь спала, солнце черезъ это окошечко освѣтило ее и она зачала. Когда царь замѣтилъ это, то былъ очень удивленъ, — а такъ какъ вся вина должна была пасть на него, потому что кромѣ него никто не заходилъ къ его дочери, — онъ рѣшилъ бросить ее въ море. Сдѣлалъ царь золотой ящикъ, посадилъ въ него свою дочь, далъ ей припасу на сорокъ дней и бросилъ ее въ море. Ящикъ выбросило на островъ. Два человека Домдогуль и Дуай-сокуръ нашли этотъ ящикъ. Домдогуль сказалъ: „Что въ ящикѣ, то все будетъ мое“. Дуай-сокуръ согласился, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы ящикъ былъ его, хотя бы оказался и пустымъ. Согласившись такъ сдѣлать, они открыли ящикъ. Въ ящикѣ оказалась царская дочь съ сыномъ, рожденнымъ отъ солнца. Домдогуль взялъ ее себѣ и сталъ съ нею жить, — она родила еще мальчика и дѣвочку. Когда Домдогуль померъ, она стала жить съ двумя своими сыновьями и дочерью. Калипа, — такъ звали сына солнца, — билъ изъ лука звѣрей и птицъ и кормилъ

всѣхъ. Мать любила его больше, чѣмъ дѣтей Домдогула, за это послѣднія возненавидѣли его и рѣшили убить. Калипа узналъ объ этомъ и сказалъ матери. Самъ же, сдѣлавъ для матери, брата и сестры запасъ пищи, ушелъ, сказавъ матери, что онъ будетъ по водѣ пускать перья дичи, убитой имъ, и она такимъ образомъ будетъ знать, живъ ли онъ, и не будетъ скучать. Когда мать приходила за водой, то видѣла на водѣ перья и не печалилась. Запасъ пищи, сдѣланный Калипой, у нихъ скоро вышелъ. Братъ и сестра стали просить у матери ѣсть. Мать сказала имъ: „Если бы вы не хотѣли убить Калипу, то у насъ всегда бы была пища“. Тогда братъ и сестра раскаялись и сказали, что они были дураки, что теперь они не будутъ на него сердиться. Мать, еще разъ спросила, не захотятъ ли они его убить. Но они помянули Бога и подали ей правыя руки. Послѣ этого она пошла съ ними розыскивать Калипу. Пришли они днемъ къ его палаткѣ. Мать сказала, что Калипа святой и что его ловить надо ночью. Сдѣлали они близъ палатки ямку, спрятались въ нее, покрывъ себя камышомъ. Вечеромъ пріѣхалъ Калипа, привезъ убитаго марала, наварилъ мяса и разложилъ его на четыре блюда, говоря: „Это тебѣ, мамонька. — Это тебѣ, братецъ. Это тебѣ, сестрица — Это мнѣ“. Сказавъ такъ, онъ сталъ ѣсть мясо со своего блюда. Тогда, видѣвшіе это, братъ и сестра увѣровали, что онъ святой и, тихо подкравшись, поймали его. Онъ поклонился матери въ ноги и сталъ просить ее простить его за то, что ушелъ. Поклонился онъ въ ноги брату и сестрѣ и ихъ сталъ просить простить его за то, что оставилъ ихъ. Братъ и сестра попросили у него прощенья за то, что сердились на него. Послѣ это они опять стали жить всѣ вмѣстѣ. Когда мать умерла, братья съ сестрою пошли въ степь; тамъ имъ встрѣтились три дороги. Калипа пошелъ направо, братъ его пошелъ по средней дорогѣ, а сестра — по дорогѣ налѣво.

Калипа пришелъ въ тюрскую землю и сдѣлался тамъ ханомъ, — это Чингисъ-ханъ, сынъ солнца, онъ живетъ теперь на облакахъ. Братъ его по средней дорогѣ пришелъ въ Китай и сталъ тамъ царствовать, — это Иженъ-ханъ. Лѣвая дорога вела въ царство бѣлаго царя. Бѣлый царь умеръ, — народъ поставилъ двѣ

свѣчи и сказалъ: „Если кто прійдетъ такой, что при его появленіи свѣчи загорятся сами собой, мы сдѣлаемъ его своимъ царемъ“. Пришла дѣвушка, — свѣчи загорѣлись. Народъ сдѣлалъ ее своимъ царемъ, — это Акъ-ханъ-Катерина, сестра Иженъ-хана. Теперь въ Россіи и въ Китаѣ царствуютъ ихъ дѣти, оттого у Россіи съ Китаемъ и дружба, и войны нѣтъ между ними.

О народѣ Мыкъ

Гдѣ теперь живутъ киргизы, раньше жилъ народъ Мыкъ. Выросла бѣлая береза, старики стали говорить: „Бѣлый царь скоро прійдетъ“. Зарылся Мыкъ въ землю, сверху камней паложилъ, потомъ стойки подрубилъ, — его и задавило. Если бы не пришелъ Бѣлый царь, то киргизъ какойнибудь другой царь давно бы всѣхъ кончилъ.

Асъ-Джанибекъ-ханъ.

I.

При Асъ-Джанибекъ-ханѣ всѣмъ хорошо жилось. Онъ даже лошадей зря гонять запретилъ и ослушниковъ наказывалъ, говоря, что бѣгая, они пугаютъ людей: „Люди, видя, что человекъ бѣжитъ сломя голову, подупаютъ, что несчастье какоенибудь случилось“. Жилъ въ то время Айсанкайгы, онъ всѣ мѣста исходилъ и многое узналъ. Былъ онъ и на Бухтармѣ и нашелъ, что хорошее мѣсто — тѣмъ, что пищи много, но плохое тѣмъ, что люди помирать будутъ. Больше же всего понравилось ему то мѣсто, гдѣ теперь Зайсанъ стоитъ. Разъ Асъ-Джанибекъ-ханъ на своемъ конѣ вскачъ примчался утромъ къ Айсанкайгы. «Что ты, царь бѣжишь такъ?» спросилъ его Айсанкайгы. «Не видѣлъ ли ты чегонибудь ночью?» Асъ-Джанибекъ-ханъ сказалъ ему: „Увидѣлъ я во снѣ тигра, зарѣзалъ его, — изъ него вышелъ медвѣдь; зарѣзалъ медвѣдя, — вышелъ волкъ; зарѣзалъ волка, — вышла лисица; зарѣзалъ лисицу, — вышелъ карсакъ; зарѣзалъ карсака, — вышелъ барсакъ; зарѣзалъ барсака, — выскочилъ изъ него заяцъ; зарѣзалъ зайца, — поползли изъ него наѣкомыя и не зналъ я, которое

изъ нихъ мнѣ бить. Айсанкайгы растолковалъ ему сонъ. «При тебѣ, царь» — сказали Айсанкайгы — хорошо народъ живетъ: это вѣкъ тигра. Послѣ тебя будетъ вѣкъ медвѣдя, — народъ станетъ воевать и много богатырей прославится въ это время. Послѣ этого настанетъ вѣкъ волка, — люди барановать станутъ. Послѣ этого настанетъ вѣкъ лисицы, — люди будутъ жить обманомъ и хитростью. Послѣ этого настанетъ вѣкъ корсака, — люди начнутъ ссориться и драться. Настанетъ вѣкъ барсака, — собираться начнутъ люди всѣ вмѣстѣ. Настанетъ вѣкъ зайца, — народъ мельчать начнетъ и Богъ отберетъ у него святыя книги. Когда пройдетъ вѣкъ зайца, измельчаетъ народъ, износится, какъ лапоть, люди будутъ, какъ насѣкомыя. Кто будетъ богатымъ въ началѣ вѣка, къ концу вѣка будетъ бѣднымъ; кто въ началѣ вѣка будетъ бѣднымъ, къ концу вѣка будетъ богатымъ, и такъ будетъ въ каждомъ вѣкѣ. Послѣ каждого вѣка будутъ мѣняться законы». Какъ сказалъ Айсанкайгы, такъ и случилось. Давно прошелъ уже вѣкъ тигра, прошелъ и вѣкъ медвѣдя, когда въ Китаѣ было много богатырей, прошелъ и вѣкъ волка, и рѣдко уже встрѣтишь старика со шрамомъ на лицѣ или на головѣ, полученнымъ во время баранты, сталъ весь народъ хитрымъ и лживымъ: — насталъ вѣкъ лисицы, но и ему конецъ приходитъ, только одна точка осталась, только на одномъ волоскѣ держится, вотъ вотъ начнетъ драться народъ, — настанетъ вѣкъ карсака.

II.

Разъ Асѣ-Джанибекъ-ханъ охотился съ соколомъ и увидалъ лебедь. Эта лебедь была пере ак-ку. Асѣ-Джанибекъ-ханъ спустилъ сокола, — соколъ поймалъ лебедь. Асѣ-Джанибекъ сталъ подъѣзжать, какъ вдругъ прилетѣла какая то птица, сшибла сокола, и лебедь улетѣла. Нѣсколько разъ такъ было. Асѣ-Джанибекъ и бывшіе съ нимъ стали стрѣлять въ эту птицу, но нико убить ее не могъ. Какъ только соколъ ловилъ лебедь, птица эта прилѣтала и сшибала его. Тогда Асѣ-Джанибекъ сталъ сзывать охотниковъ, но никто не могъ убить эту птицу. Абе, сынъ Айсанкайгы, сталъ проситься у отца пойти стрѣлять птицу, но отецъ не отпускалъ его. Три раза просился онъ, и лишь на третій разъ Айсанкайгы согласился отпустить его, но съ тѣмъ лишь усло-

віемъ, чтобы онъ просилъ у хана, за то, что убьетъ птицу, островъ Тартупъ Кентупъ, и чтобы ханъ отпустилъ ихъ жить туда. Условился Абэ съ отцомъ, что онъ дастъ ему вѣсть если ханъ отпуститъ ихъ, тѣмъ, что побѣжитъ къ нему. Зашелъ Айсанкайгы на гору и сталъ смотрѣть, не побѣжитъ ли сынъ къ нему съ радостью. Абэ поѣхалъ и убилъ птицу. Царь спросилъ его, что ему нужно за то, что онъ убилъ. Абэ отвѣтилъ, что то, что ему нужно, ханъ не можетъ дать. На это ему ханъ отвѣтилъ, что онъ все дастъ и велѣлъ просить. Попросилъ Абэ отпустить его съ отцомъ на Тартупъ Кентупъ и отдать его имъ. Ханъ отдалъ имъ островъ и отпустилъ ихъ. Побѣжалъ Абэ съ радостью къ отцу. Айсанкайгы увидалъ его съ горы и обрадовался. Пошелъ Айсанкайгы звать съ собою Асѣ-Джанибекъ хана, говорить ему, что въ той странѣ вѣкъ жить можно, ничего не дѣлая, что тамъ золото есть на поверхности земли. Но Асѣ-Джанибекъ не поѣхалъ съ ними. Тогда Айсанкайгы сказалъ ему, что послѣ него ханомъ Аблай будетъ и въ подданство къ Бѣлому царю уйдетъ. Асѣ-Джанибекъ остался на прежнемъ мѣстѣ, а Айсанкайгы уѣхалъ туда, гдѣ много всякаго звѣря и гдѣ теперь еще крупный народъ живетъ, — на томъ мѣстѣ теперь Зайсанъ стоитъ.

Атеке-Джирикъ.

При Аблаѣ была война за вѣру. Атеке-Джирикъ, киргизъ съ Алатау, вызвалъ богатырей на поединокъ. Вышелъ на него Бугунъ бай, бились они съ утра до вечера. Бугунъ бай отказался биться. Вышелъ Бурунъ-бай, но также ничего съ Атеке-Джирикомъ не могъ подѣлать. Вышелъ Баракъ, но и онъ не могъ побѣдить Атеке-Джирика. Вышелъ Кунанъ-бай, старикъ семидесяти лѣтъ, защитникъ вѣры байджиkeyской, и сшибъ копьемъ Атеке-Джирика съ лошади. Тогда дочь Атеке-Джирика привела большого верблюда Кунанбаю и стала просить кости отца. Кунанбай отдалъ ей раненаго Атеке-Джирика; она стала за нимъ ухаживать и онъ выздоровѣлъ. Разъ Кунанбай сильно заболѣлъ. Атеке-Джирикъ, зная это, сдѣлалъ набѣгъ на его аулъ. Никто больному Кунанбаю не сказалъ объ этомъ; всѣ молча собирались защищать родъ.

ной ауль. Но Кунанбай замѣтилъ, что что-то случилось, и спросилъ Чалака, своего близкаго друга. Тотъ сказалъ ему, что Атеке Джирикъ пришелъ ауль грабить. Кунанбай сталъ Бога просить, чтобъ далъ ему Богъ хоть три дня здоровымъ быть. Услышавъ Богъ молитву Кунанбая и онъ тотчасъ же выздоровѣлъ. Осѣдлавъ Кунанбай своего коня Кубасъ-атъ-а, поѣхалъ на поле битвы и видитъ, — Атеке Джирикъ тамъ всѣхъ бьетъ. Увидѣлъ Атеке Джирикъ Кунанбая, испугался и пустился бѣжать. Кунанбай догналъ его, сшибъ съ коня копьемъ и отсѣкъ ему голову. Послѣ этого прошло три дня, снова заболѣлъ Кунанбай и померъ.

Идыге-би и Тохтамышъ.

Былъ одинъ благочестивый стрѣлецъ. Разъ стрѣлецъ этотъ ранилъ оленя. Прибѣжалъ раненый олень къ Кайперену, пастуху лѣсныхъ звѣрей, и спросилъ его, будетъ ли онъ живъ. Ступай, умирай: живъ не будешь — сказалъ ему Кайперень. — „Если стрѣлецъ придетъ слѣдить за тобою, я отдамъ за него дочь свою“. Олень ушелъ помирать въ чашу. Стрѣлецъ пришелъ слѣдить за оленемъ и увидалъ юрту. Старикъ позвалъ его въ юрту, отдалъ за оленя свою дочь и не велѣлъ засыпать всю ночь. Но стрѣлецъ заснулъ передъ утромъ, и когда проснулся, то увидѣлъ, что спалъ на зравѣ: ни юрты, ни старика, ни дочери не было. Стрѣлецъ послѣ этого опять сталъ жить по старому, — молясь Богу и стрѣляя звѣрей. Одинъ разъ, когда шелъ онъ по лѣсу, нашелъ на него туманъ, и послышался голосъ: „Вотъ твой ребенокъ. Если бы ты тогда не заснулъ, я всегда бы была съ тобою и ты всегда бы меня видѣлъ“. Туманъ послѣ этого исчезъ, а у стрѣльца остался ребенокъ. Кормить ребенка ему было нечѣмъ; онъ пошелъ на мѣсто стоянки киргизъ и оставилъ его тамъ. Одинъ старикъ, воротившись на мѣсто стоянки, нашелъ этого ребенка и рѣшилъ со своею старухой слѣловать его своимъ сыномъ, такъ какъ дѣтей у нихъ не было. Старуха, слѣлавъ видъ, что она беременна, долго ходила такъ, — затѣмъ они объявили киргизамъ, что у нихъ родился сынъ. Назвали они его Идыге. Когда Идыге было семь

лѣтъ, онъ пасъ баранъ. Разъ мимо шли двѣ женщины и ругались. Онъ спросилъ ихъ, о чемъ они ругаются. Оказалось, что они оспаривали одна у другой ребенка и пошли къ Тохтамышъ-хану. Идыге попросилъ ихъ сказать ему, какъ ихъ разсудить Тохтамышъ. Но Тохтамышъ не могъ разсудить ихъ и велѣлъ имъ прійти на слѣдующій день. Тогда Идыге предложилъ разсудить ихъ. Они сказали ему, что дѣти у нихъ потерялись въ степи, они искали и нашли одного и каждая считаетъ его своимъ. Идыге велѣлъ ребенка, изъ за котораго они спорили, разсѣчь и отдать каждой изъ нихъ по половинѣ. Тогда одна изъ женщинъ стала просить, чтобы ребенка не разсѣкали. Идыге велѣлъ ребенка отдать ей, а другой женщинѣ сказалъ: „Твое сердце не болитъ: ты не мать. Она пожалѣла, — она мать“. Когда Тохтамышъ узналъ объ этомъ, то сказалъ, что Идыге правильно разсудилъ. Вскорѣ послѣ этого шли мимо Идыге два человѣка и спорили. Онъ спросилъ ихъ, о чемъ они спорятъ. Они сказали, что спорятъ изъ за верблюженка и каждый считаетъ его своимъ. Идыге велѣлъ тому и другому привести мать верблюженка. Когда они привели, Идыге привязалъ верблюдичъ къ тарначу въ разныхъ мѣстахъ и сталъ бить верблюженка. Одна верблудица, когда услышала крикъ, выдернула тарначъ съ корнемъ и прибѣжала, другая же была спокойна. Идыге отдалъ верблюженка тому человѣку, чья верблудица прибѣжала на крикъ верблюженка. Тохтамышъ узналъ объ этомъ и сказалъ, что Идыге правильно разсудилъ. Одинъ человѣкъ убилъ зайца, а хозяинъ земли, на которой убилъ, сталъ отбирать у него этого зайца. Пошли они къ Тохтамышу и дорогой встрѣтили парнишка, который пасъ баранъ, — это былъ Идыге. Онъ спросилъ ихъ, зачѣмъ они къ Тохтамышу пошли. Они ему разсказали. Идыге спросилъ хозяина земли, почему онъ считаетъ зайца своимъ. „Земля моя и заяцъ мой, я самъ бы убилъ его“, — отвѣтилъ тотъ. Тогда Идыге велѣлъ позвать имъ своихъ сыновей, поставить ихъ на такомъ разстояніи отъ себя, на какомъ былъ убитъ заяцъ, дать имъ зайца, держать надъ головой и стрѣлять въ него. Охотникъ выстрѣлилъ и попалъ въ зайца, котораго его сынъ держалъ надъ головой. Хозяинъ же земли побоялся убить своего сына. Тогда Идыге отдалъ зайца

охотнику. Узнавъ объ этомъ, Тохтамышъ послалъ къ старикамъ, — чтобъ они отдали ему Идыге ковей пасти. Старики сказали: «Мы были стары и на старости нашей Богъ намъ послалъ его». — Я его силой отберу, если не отдадите» — сказалъ имъ Тохтамышъ. Тогда они отдали ему Идыге и онъ заплатилъ имъ за это. Сталъ Идыге у Тохтамыша въ пастухахъ жить. Жена Тохтамыша замѣтила, что ханъ, когда входитъ Идыге и здороваается съ нимъ, вздрагиваетъ. Сказала она объ этомъ Тохтамышу, но онъ не повѣрилъ. Тогда она, передъ тѣмъ какъ придти Идыге, пришла незамѣтно платье Тохтамыша къ сидѣнью. Идыге зашелъ и поздоровался, — Тохтамышъ вздрогнулъ и порвалъ свое платье. Послѣ этого жена наединѣ сказала Тохтамышу, что Идыге отберетъ у него мѣсто. Сама же рѣшила испытать Идыге, нельзя ли избавиться отъ него, надсмѣявшись надъ нимъ. Для этого она взяла чашку кислаго молока, смѣшала его съ мочей и подала Идыге. Идыге взялъ саблю, разрѣзалъ крестообразно молоко въ чашкѣ и выпилъ. Тогда ханша спросила его: „Сладкое ли молоко?“. — Сладкое, да посуда старая — отвѣтилъ Идыге. Видѣвшій все это Тохтамышъ спросилъ потомъ у жены: «Что дѣлалъ Идыге съ молокомъ»? Ханша сказала: «Онъ твой мѣръ разсѣчетъ. Отдадимъ за него свою дочь, напоимъ его на свадьбѣ и убьемъ». Такъ они и рѣшили все сдѣлать. Задушевный другъ Идыге — Кекженбай, узнавъ объ этомъ, предупредилъ Идыге; велѣлъ ему привѣсить кожаный мѣшокъ на шею подъ платье и на свадьбѣ не пить, а лить въ этотъ мѣшокъ. Идыге хотя мало пилъ на свадьбѣ, но глаза его стали смыкаться. Мать Идыге перелетала надъ юртой и въ открытый верхъ юрты прыснула своимъ молокомъ въ глаза ему, сказавъ: «Что, сынъ, глаза закрылъ?». Идыге открылъ сразу глаза и увидѣлъ вокругъ себя слугъ Тохтамыша съ ножами въ рукахъ. Онъ выскочилъ изъ юрты, вскочилъ на своего солового коня и побѣжалъ. Кекженбай, когда пришелъ въ юрту, подрѣзалъ стремяна у сѣделъ слугъ Тохтамыша. Слуги кинулись за Идыге, хотѣли вскочить на своихъ коней, стремяна оборвались и они попадали подъ коней. Идыге отъѣхалъ и закричалъ Тохтамышу: — «Я приѣду, всѣ аулы твои разобью! Дочь твою силой возьму!» Тогда Тохтамышъ послалъ за Идыге Кекженбая, которо-

му довѣрять, прося уговорить Идыге воротиться назадъ. Кекженбай догналъ Идыге и уговорился съ нимъ обмануть Тохтамыша. Кекженбай прострѣлилъ себѣ шапку, а Идыге ударилъ его плетью по спинѣ. Воротился Кекженбай, показалъ Тохтамышу прострѣленную шапку и рубецъ на спинѣ, и сказалъ: „Идыге, ханъ, не воротится къ тебѣ“. Тогда послалъ ханъ столѣтняго старика уговорить Идыге воротиться. Идыге принялъ столѣтняго старика и онъ сталъ его уговаривать: „Повѣрь мнѣ, послушайся меня“ — сказалъ старикъ. — „Когда солнце было маленькое еще, такое, что можно было взять его въ руку, тогда я жилъ уже на землѣ. Воротись къ Тохтамышу, послушайся меня, онъ предлагаетъ тебѣ дружбу“. — „Я хотѣлъ служить, но надо мной надсмѣялись“ — отвѣтилъ Идыге. „Скажи Тохтамышу, что я ворочусь къ нему съ воинами Сатимиръ-хана“. Воротился столѣтній старикъ къ Тохтамышу и сказалъ ему все, что слыгалъ отъ Идыге. Сталъ Тохтамышъ послѣ этого посылать дочерей своихъ на гору, смотрѣть — не ѣдетъ ли Идыге съ воинами Сатимиръ-хана.

У Сатимиръ-хана Мюсъ-Алыпъ похитилъ дочь. Идыге, когда ѣхалъ къ Сатимиръ-хану, встрѣтилъ Мюсу и убилъ. Сатимиръ-ханъ тогда отдалъ свою дочь за Идыге. Идыге сталъ жить съ ней и у нихъ родился сынъ; голова у него была роговая, отъ Мюсъ-алыпа, самъ же онъ былъ похожъ на человѣка. Они называли его Нуралы. Когда Нуралы подросъ и сталъ играть съ ребятами, то, играя, часто убивалъ своихъ сверстниковъ: такая у него была сила. Разъ играя, онъ ушибъ старуху; разозлившись она сказала ему: „Чѣмъ нашихъ дѣтей убивать, лучше бы съ отцомъ бѣглецомъ ѣхалъ къ Тохтамышу“. Нуралы послѣ этого сталъ разспрашивать отца и тотъ рассказалъ ему про свою обиду. „Пойдемъ, сказалъ Нуралы отомстимъ“. Поѣхали они къ Тохтамышу. Дочери Тохтамыша каждый день ходили и смотрѣли, не ѣдетъ ли Идыге. Идыге и Нуралы поднялись на вершину перевала, увидали, что смотреть на нихъ, — спустились, обогнули перевалъ косогоромъ и снова по старому пути перевалили черезъ гору, затѣмъ начали они ѣздить кругомъ, переваливая одинъ за другимъ черезъ гору. Дочери Тохтамыша и сосчитать не могли сколько народу перевалило черезъ гору. Прибѣжали онѣ испуган-

ныя и сообщили Тохтамышу. Тохтамышъ, испугавшись, бросилъ все, убѣжалъ и спрятался въ камышъ. Идыге поджегъ камышъ. — Тохтамышъ выскочилъ изъ камыша и спрятался въ тальникъ. Нуралы дунулъ, тальникъ пригнулся. Нуралы увидалъ Тохтамышъ, проткнулъ его копьемъ и отсѣкъ ему голову. Послѣ этого Идыге занялъ мѣсто Тохтамышъ и взялъ себѣ въ жены обѣихъ дочерей его. Нуралы, обиженный тѣмъ, что Идыге взялъ себѣ обѣихъ дочерей Тохтамышъ, играя разъ на балалайкѣ, запѣлъ: — „Воевалъ я, воевалъ. Тохтамышъ городъ взялъ. Почему мнѣ его дочь отецъ не отдалъ?“. Подъ конецъ Нуралы такъ ударилъ по струнамъ балалайки, что кобылка вылетѣла и попала случайно въ глаза Идыге. Идыге, сдѣлавшись кривымъ, заплакалъ, говоря: — „Я твой отецъ. — Я тебя поднялъ. Ты меня слушать долженъ“. Нуралы послѣ этого сталъ слушать своего отца.

У Тохтамышъ былъ побочный сынъ Кей-Куать. Когда Кей-Куать выросъ Атукей и Тотукей, дочери Тохтамышъ, стали тайно принимать его у себя. Нуралы каждый день дѣлалъ объѣзды, а Идыге оставался дома. Кей-Куату нужно было убить сначала Нуралы, но онъ не рѣшался напасть на него, такъ какъ Нуралы всегда выѣзжалъ въ кольчугѣ, въ шлемѣ и съ оружіемъ. Тогда дочери Тохтамышъ стали смѣяться надъ Нуралы, что онъ, хотя и войны нѣтъ, въ полномъ вооруженіи разъѣзжаетъ. Самолюбивый Нуралы на слѣдующій день поѣхалъ въ объѣздъ даже безъ сабли. Кей-Куать встрѣтилъ его, раза три замахнулся на него саблей и спросилъ: — „Отсѣчь тебѣ голову или нѣтъ?“. Надсмѣявшись надъ Нуралы, Кей-Куать уѣхалъ. Нуралы же не доѣхалъ до дому: умеръ дорогой съ досады. Тогда Кей-Куать сталъ служить Идыге вмѣсто сына. Одинъ разъ Кей-Куать спросилъ у Идыге, хвастаясь: — „Есть ли кто сильнѣе меня на свѣтѣ?“. — „Не было бы никого сильнѣе тебя, — отвѣтилъ Идыге, — если бы ты удержалъ красную лисицу, когда она съ горы бѣжитъ“. — „Удержу“ сказалъ Кей-Куать. Тогда Идыге велѣлъ ему стать подъ горой, самъ же пошелъ на гору гнать оттуда красную лисицу. На горѣ Идыге поставилъ сорокъ мѣховъ, раскалилъ камень до красна и спустилъ его на Кей-Куата. Глупый Кей-Куать поймалъ камень, думая, что это красная лисица, и закричалъ: „Не отпущу! Теперь

сниму я съ тебя шкуру. — Будетъ у меня шапка. Пусть только Идыге прійдетъ. Когда пришелъ Идыге. Кей-Куать спросилъ его: „Есть ли кто сильнѣе Кей-Куата?“ — „Есть“ — отвѣтилъ Идыге. „Вотъ если бы ты всталъ посередь моря, а вода замерзла и ты ледъ бы весь поднялъ, тогда никого сильнѣе тебя на свѣтѣ не было бы“. Кей-Куать, когда стала вода замерзать, всталъ посередь моря. Сорокъ дней былъ морозъ и ледъ сдѣлался толстымъ. Идыге спряталъ за спину саблю и пошелъ къ Кей-Куату, — у Кей-Куата одну только голову видно. „Подымай ледъ“ — закричалъ ему Идыге. Кей-Куать сталъ подыматься; ледъ затрещалъ и подыматься началъ. Тогда Идыге сказалъ ему: — „Всѣхъ будешь ты сильнѣй на свѣтѣ, если потерпишь еще семь дней“. — „Потерплю“ — отвѣтилъ Кей-Куать. Сдѣлался сильный морозъ въ эти семь дней и вода промерзла до дна. Идыге опять пошелъ къ Кей-Куату, спрятавъ за спиною саблю. „Подымай“ — сказалъ онъ Кей-Куату. Но Кей-Куать не могъ поднять. „Ледъ даже сильнѣе тебя. Ты меня безъ сына оставилъ; я старый теперь, но и я сильнѣе тебя. Умный сильнѣе глупаго“ — сказалъ Идыге и хотѣлъ отсѣчь Кей-Куату саблей голову. Но Кей-Куать дунулъ и Идыге укатился по льду на версту отъ него. Тогда Идыге взялъ плитку привязалъ къ ней саблю и пустилъ по льду. Саблей отрѣзало голову Кей-Куату. Вскорѣ послѣ этого и Идыге умеръ.

Темиръ-ханъ.

Богатъ былъ Темиръ ханъ, захотѣлъ онъ жениться и поѣхалъ къ другому хану смотрѣть дочь невѣсту. У невѣсты были крылья. Когда пріѣхалъ Темиръ-ханъ свататься, то людоедка заплѣла: „Пріѣхалъ ханъ свататься. Не успѣла я его невѣсту съѣсть“. Темиръ-ханъ такъ ударилъ людоедку плетью, что она померла. Невѣста послѣ этого, зная, что ее не выдадутъ за Темиръ-хана, сказала ему: — „Давай, убѣжимъ“. Темиръ-ханъ согласился. Тогда она взяла полный мѣшокъ бабокъ, посадила на себя Темиръ-хана и полетѣла. Отецъ пустился въ погоню, но не могъ догнать. Одинъ человѣкъ, видя его горе, сказалъ ему: — „Если ты засыпeshъ меня деньгами, я сдѣлаю изъ камыша коней, сдѣлаю воздушный пу-

зырь и мы догонимъ ее“. Не пожалѣлъ отецъ денегъ. Сдѣлалъ чловѣкъ все, что обѣщалъ. Стали они догонять ее; она стала бросать бабки на землю, — на землѣ стали косогоры дѣлаться. Пока погоня перелетала косогоры, она далеко уже улетала, но сильно устала и запѣла: „Ребра гнутся мои и спина моя расшеркалась. Нѣтъ ли гдѣ мѣста внизу, чтобъ отдохнуть немножко“. Спустились они на землю, ихъ чловѣкъ съ отцомъ и воинами догналъ и хотѣлъ въ плѣнъ взять. Тогда она сказала Темиръ-хану: — „Если убьешь воиновъ, кони ихъ нашими будутъ. Если убьешь чловѣка, будетъ намъ пища на дорогу. Если отца убьешь, догонять насъ не будутъ“. Темиръ-ханъ стрѣлилъ — половина земли сгорѣла; стрѣлилъ другой разъ — половины воиновъ не стало; третій разъ стрѣлилъ — остался живымъ только одинъ отецъ. „Не убивай меня, Темиръ-ханъ. Я тебѣ все отдамъ“ — сказалъ онъ и воротился назадъ. Далъ онъ Темиръ-хану много скота и служанку. Родила жена Темиръ-хана мальчика съ золотой головой, съ задомъ серебрянымъ. Темиръ-хана въ это время дома не было. Приѣхалъ Темиръ-ханъ домой, служанка и говоритъ ему: — „Родила я мальчика, а жена твоя отобрала его у меня“. Темиръ-ханъ сказалъ ей: — „Давай, убьемъ ее“. Услыхала это жена, заплакала и улетѣла. Выросла послѣ этого близъ юрты таваложка. Возьметъ служанка мальчика на руки, — онъ плачетъ, а когда уползетъ изъ юрты и сосетъ таваложку, не плачетъ. Служанка сказала тогда Темиръ-хану: „Срубить надо таваложку: нашъ сынъ глаза себѣ выткнетъ“. Велѣлъ ханъ срубить таваложку. Тогда побѣждалъ возлѣ юрты ручей. Сталъ мальчикъ воду пить и играть возлѣ ручья. Служанка опять сказала хану: — „Запрудить надо вверхъ ручей: сынъ нашъ возлѣ юрты утонуть въ немъ можетъ“. Велѣлъ ханъ запрудить ручей. Одна корова дошла до запруды и съѣла тамъ молодой осинникъ. Мальчикъ сталъ сосать эту корову. Служанка стала опять говорить хану: — „Заколоть надо корову: забодетъ она нашего сына“. Заколоть велѣлъ ханъ корову. Увидалъ тогда онъ, что жена его летаетъ и плачетъ. „Какъ бы поймать ее мнѣ?“ — сказалъ онъ. „Ты залѣзь въ яму, закройся, положи сверху нашего сына, она упадетъ за нимъ, ты тутъ и лови ее за косы“ — сказала Темиръ-хану служанка. Те-

миръ-ханъ, какъ служанка сказала ему, такъ и сдѣлалъ. Поймалъ свою жену и тутъ же убилъ на мѣстѣ. Сынъ его подросъ, сталъ понемногу, а какъ выросъ, ушелъ въ лѣсъ и сталъ стрѣлять звѣря. Темиръ-ханъ не встрѣчалъ его съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ онъ, и рѣшилъ, что его нѣтъ въ живыхъ. Охотясь въ своемъ лѣсу, Темиръ-ханъ разъ замѣтилъ, что въ лѣсу охотится еще кто-то и всегда стрѣляетъ безъ промаха. Сталъ Темиръ-ханъ искать и встрѣтился съ сыномъ. Сынъ сказалъ ему: — „Теперь ты мой. Ты убилъ мою мать, за нее отомщу я“. И хотѣлъ убить Темиръ-хана. Но тотъ сталъ умолять его и клясться, что, убивая жену, онъ не зналъ, что она мать его сына, что служанка его обманула. Сынъ простилъ Темиръ-хана. Пошли они вмѣстѣ на могилу и тамъ горько плакали оба. Богъ ихъ горе увидѣлъ, молитвы услышалъ и она ожила. Съ тѣхъ поръ стали они жить всѣ вмѣстѣ. А служанку убили.

Искендырь-ханъ.

I.

У Искендырь-хана рога были. Когда надо было ему брить голову, онъ призывалъ къ себѣ человѣка и тотъ наединѣ брилъ его. Какъ только человѣкъ обривалъ Искендырь-хану голову, то самъ тутъ же лишался головы. Одинъ человѣкъ обрилъ Искендырь-хану голову и сталъ умолять его, чтобъ не лишалъ его жизни, причемъ далъ клятву, что онъ всѣ грѣхи Искендырь-хана приметъ на себя, если скажетъ кому нибудь, что у Искендырь-хана есть рога. Искендырь-ханъ отпустилъ его. Человѣку этому сильно захотѣлось высказать тайну. Пошелъ онъ въ степь, сдѣлалъ тамъ себѣ дудочку и заигралъ потихоньку, чтобъ никто не услышалъ: — „У Искендырь-хана рога есть, да сказать нельзя, что рога есть: кто скажетъ, тому ханъ голову отсѣчетъ“. Програвъ это, онъ бросилъ дудочку. Разъ парнишка пасъ баранъ и нашелъ эту дудочку. Сталъ парнишка играть, а дудочка заплѣла: — „У Искендырь-хана рога есть, да сказать нельзя, что рога есть: кто скажетъ, тому ханъ голову отсѣчетъ“. Дошла вѣсть объ этой дудочкѣ до Искендырь-хана. Велѣлъ онъ дать ему эту

дудочку. Дали ему дудочку, онъ попробовалъ заиграть, а она запѣла: „У Искендырь-хана рога есть, да сказать нельзя, что рога есть: кто скажетъ, тому ханъ голову отсѣчетъ“. Тогда Искендырь-ханъ показалъ всѣмъ свои рога.

Разъ Искендырь-ханъ велѣлъ достать живой воды, чтобы жить тысячу лѣтъ. Пери достали ему живой воды, но онъ не осмѣлился пить ее. „Какъ буду жить тысячу лѣтъ, когда не знаю, что ждетъ меня впереди“ — подумалъ онъ. „Лучше буду жить, сколько Богъ дастъ“. Повѣсилъ онъ кожаный мѣшокъ съ живой водой на лиственницу; прилетѣлъ воронъ, проклюнулъ мѣшокъ, пролилъ воду на лиственницу и самъ напился. Теперь воронъ и лиственница тысячу лѣтъ живутъ.

Померъ Искендырь-ханъ двадцати девяти лѣтъ, не оставивъ послѣ себя дѣтей. Солнце и мѣсяцъ съ горя померкли. Похоронить хана нельзя было: онъ подымалъ руку. Никто понять не могъ, что это значить. Одинъ старикъ ста двадцати лѣтъ сказалъ: „Это ханъ говоритъ намъ, что ничего онъ съ собой не взялъ, все здѣсь оставилъ. Все здѣсь останется, — надо жить хорошо и правду любить“. Искендырь ханъ отпустилъ тогда руку и его схоронили.

II.

Искендырь-ханъ съ рогами родился, — знала это бабушка-повитуха, которая его повивала. Когда кто брилъ хана, то не ворочался назадъ: — ханъ отсѣкалъ ему голову. Бабушка сказала это своей дочери. Дочь взяла дудку, просунула въ юрту хана и сказала: „Искендырь-ханъ бурхарнай, у тебя рога есть. Зачѣмъ ты тѣмъ, кто тебя брѣтетъ, головы отсѣкаешь?“. Никто раньше не осмѣливался ему сказать это и онъ думалъ, что никто про это не знаетъ; послѣ же этого скрывать рога ему нельзя было. Сдѣлалъ онъ праздникъ для народа и при всемъ народѣ снялъ свою высокую шапку тажи. Увидѣлъ народъ у Искендырь-хана рога.

Когда торговецъ дорого запрашиваетъ съ покупателя киргиза,

последній часто отвѣчаетъ: — „Что дорого просишь? Въдь все равно у тебя рога не вырастутъ“.

Въ глазахъ у ворона есть живая вода. Чтобы вылѣчить слѣпого, или того, у кого глаза болятъ, нужно поймать ворона и у живого выдавить изъ глазъ живую воду въ глаза больному.

Дѣвица Дарига.

Дѣвица Дарига была богатырь: никто ее побороть не могъ. Казырты-Калій сталъ просить своего тестя, — такъ какъ отца не было въ живыхъ, — благословить его пойти бороться съ Даригой. Тесть сказалъ ему: „Тебѣ стыдъ будетъ, если она сборетъ: баба сборола — говорить будутъ“. — „Богъ поможетъ мнѣ. Она вызвала меня, какъ мнѣ теперь отказаться?“ — отвѣтилъ Казырты-Калій. Тесть благословилъ его, но сказалъ, чтобы онъ не думалъ, что можетъ побороть ее своею силою, — чтобы просилъ Бога помочь и надѣялся бы только на Бога. „Я буду Богу молиться“ — сказалъ Казырты-Калій и поѣхалъ. Приѣхалъ онъ къ Даригѣ, она спросила его, кто онъ такой. Онъ отвѣтилъ ей, что онъ Калій, котораго звала она на поединокъ. Черезъ десять дней будь на горѣ, гдѣ стоитъ столбъ, тамъ будемъ бороться“ — сказала Дарига. Десять дней угощали Калія. Прошло десять дней, сѣлъ Калій на коня Дуль-Дуль, приѣхалъ на гору, привязалъ коня къ столбу и сталъ ждать. Пятисотъ богатырей едва принесли Даригу на рукахъ. Стали бороться, — четырнадцать дней боролись; у Дариги стала сила прибавляться, у Калія стала сила слабѣть. Калій говоритъ: — „Пусти меня, Дарига: я четырнадцать дней не молился Богу“. — Дарига говоритъ: — „Я ѣсть захотѣла. Я ѣсть пойду, ты тоже поѣшь, но не убѣгай“. — Пошла Дарига, сѣла сто барановъ и сто хлѣбовъ и напилась воды. Калій ничего не ѣлъ, но все время молился со слезами Богу: — „Ты, Господи, дай мнѣ коня Дуль-Дуль. Дай мнѣ силы!“ Богъ добавилъ ему силы. Пришла Дарига, увидала, что онъ ничего не ѣлъ; и сказала: — „Что же ты ничего не ѣлъ? Какъ же голодный бороться будешь?“ — „Какъ Богъ велитъ“ — отвѣтилъ Калій. Стали бороться. Калій сталъ Да-

ригу вертѣть. Дарига говоритъ: — «Тебѣ Богъ силы далъ. Не бори меня: я твоя буду». Калій отпустилъ Даригу. Сказала Дарига всѣмъ своимъ людямъ, что Калій мужемъ ея будетъ. Прожилъ Калій сорокъ дней и говоритъ: — „Я домой поѣду. Поѣдешь со мной, — поѣдемъ. Не поѣдешь, — оставайся здѣсь. Если родится сынъ, назови его Мядымомъ, если дочь родится, отдай за царскаго сына замужъ“. Уѣхалъ Калій, Дарига осталась. Родила Дарига сына и назвала его Сайдилъда-Мядымъ. Растетъ сынъ богатыремъ, кого ударить челчкомъ, убьетъ. Было Мядиму семь лѣтъ, игралъ онъ и ушибъ старуху, которая холстъ ткала. Старуха сказала ему: — „Чѣмъ играть то, да ребятъ убивать, пошелъ бы да отца нашель, безотцовщина!“ . Пошелъ Мядымъ къ матери и сталъ ее спрашивать, гдѣ у него отецъ. Дарига не говорила ему. Тогда онъ пересталъ ѣсть и сказалъ: — „Мнѣ бабушка сказала: найди отца. Благослови меня, мама, я пойду искать“. Дарига не хотѣла его отпустить, но, видя, что онъ ничего не ѣстъ, благословила его и сказала: — „Найди на востокъ зятя Мухамета — Казырты-Калія — онъ твой отецъ. Если въ дорогѣ что случится съ тобою, — молись Богу, проси Его помочь тебѣ, проси Мухамета и Казырты-Калія, они помогутъ тебѣ“. Долго шелъ Мядымъ и пришелъ наконецъ къ Мухамету, но не зналъ, куда пришелъ. Былъ въ это время праздникъ, собралось у Мухамета много народу, устроена была борьба. Когда пришелъ Мядымъ, боролись еще только мальчики. Сыновья Калія побарывали всѣхъ. Мухамъ, Казырты-Калій и всѣ старшіе любовались борьбой. Скоро стали бороться уже подростки. Мядымъ стоялъ и смотрѣлъ. Такъ какъ народу было много, его никто не спрашивалъ, откуда онъ. И подростковъ всѣхъ побороли сыновья Калія. Заставили бороться и Мядыма. Мядымъ поборолъ сыновей Калія своихъ — сверстниковъ. Тогда стали съ нимъ бороться ихъ старшіе братья, но Мядымъ и ихъ всѣхъ поборолъ. Никто не шелъ бороться съ Мядымомъ. Тогда Калій спросилъ его: — „Будешь со мною бороться?“. Мядымъ согласился. „Ты старше меня, бросай меня первый“ — сказалъ онъ Калію. Калій три раза пробовалъ бросить, но ничего не могъ сдѣлать. „Теперь я бросать тебя буду“ — сказалъ Мядымъ. „Господи, помоги мнѣ, Мухаметъ, Казырты-Калій помогите!“ — и поднялъ Калія

„Стой“—сказалъ Калій. „Сначала скажи мнѣ, чей ты и почему ты такъ говоришь?“—“Меня мать научила.”—отвѣтилъ Медымъ. Калій сталъ его цѣловать. „Я отецъ твой Калій. Ты сынъ мой.”—сказалъ онъ Медыму. Заплакалъ Медымъ и упалъ на землю. „Зачѣмъ я, отецъ, боролся съ тобою?“—сказалъ онъ. Сталъ Калій его утѣшать, но онъ всталъ и побѣждалъ, и такъ сильно, что никто догнать его не могъ. Калій сѣлъ на коня Дуль-Дуль, поскакалъ за нимъ. Забѣжалъ Медымъ въ городъ, здѣсь земля передъ нимъ разступилась и скрыла его. Пріѣхалъ Калій, но не нашелъ сына своего и сталъ плакать и молиться Богу. Богъ послалъ ангела сказать ему, что онъ и Медымъ на землѣ не могутъ жить вмѣстѣ, что на томъ свѣтѣ они встрѣтятся. Когда ангелъ сказалъ это Калію, онъ успокоился.

Адрышъ.

Жилъ былъ царь, было у него сорокъ женъ, но дѣтей не было. Родила одна изъ его женъ дѣвочку, царь сказалъ: „Мнѣ дѣвочку не надо, я сына ждалъ. Выдамъ я ее замужъ, все равно что похороню, пусть лучше теперь умретъ: маленькую легче похоронить.“ Велѣлъ царь дочь свою убить. Тогда стали всѣ жены просить его, чтобы оставилъ онъ имъ дочь свою, чтобы было имъ хоть поцѣловать кого. Царь уступилъ ихъ просьбѣ. Прошло пять лѣтъ. Пріѣхалъ къ царю гость. Царь сталъ гостя просить рассказать ему что-нибудь. Гость спросилъ царя, что ему рассказать, сказку или быль. Царь попросилъ гостя быль рассказать. Гость сталъ рассказывать: ѣхалъ я сюда и увидалъ на вашей грани, человеческую голову. Восемьдесятъ головъ отсѣку, сказала мнѣ голова. Я испугался.“ Поѣхалъ царь вмѣстѣ съ гостемъ на то мѣсто, гдѣ онъ голову видѣлъ. Подѣхали къ головѣ, она имъ сказала: „Восемьдесятъ головъ отсѣку, этому не миновать.“ Захватилъ царь ее плетью, сожегъ на сухихъ дровахъ, золу собралъ, завернулъ и положилъ подъ кошму на своей постѣли. Слугамъ же своимъ велѣлъ сдѣлать желѣзный ящикъ и вырыть глубокую яму. Пятилѣтняя дочь царя, случайно нашла подъ кошмою золу, подумала что сахаръ,лизнула и положила опять на старое мѣсто: никто этого не ви-

дѣль, такъ какъ дома въ это время никого не было. Царь положилъ золу въ желѣзный ящикъ и зарылъ на сорокъ аршинъ въ землю. Мать дѣвочки замѣтила, что дочь ея зачала и стала скрывать ее. Но когда нельзя уже было скрывать, пошла къ царю и сказала: „Правду ты говорилъ. Лучше было бы схоронить намъ дочь когда она родилась“. Царь велѣлъ дочь свою повѣсить. Когда хотѣли ее вѣсить, она сказала, что ей нужно сказать что то отцу. Привели ее къ отцу, она сказала: „Я ни въ чемъ не виновата, я не хотѣла этого, но это дѣло Божье. Ты самъ это увидишь“. Царь оставилъ ее живою. Когда пришло время, выпалъ у нея изъ рта мальчикъ. Царь обрадовался, созвалъ весь народъ и объявилъ, что дочь его сына изъ рта родила. Назвалъ его царь Адрышомъ. Когда было Адрышу семь лѣтъ, одна женщина испугалась того, что во снѣ увидѣла и пошла къ муллѣ спрашивать. Адрышъ увидѣлъ ее и сказалъ: „Ты во снѣ испугалась, къ муллѣ пошла. Скажи мнѣ, какъ мулла твой сонъ разсудить. Пришла она къ муллѣ и разсказала ему сонъ свой. Мулла сказалъ ей, что съ нея грѣхъ снялся, и велѣлъ ей съ того мѣста, гдѣ живетъ, укочевать. Пошла она домой увидѣла Адрыша, разсказала ему что мулла ей сказалъ. „Неправду сказалъ тебѣ мулла — отвѣтилъ Адрышъ. „Какъ ты знаешь, что не правду, когда не знаешь, что я во снѣ видѣла.“ сказала женщина. Адрышъ ей сказалъ: „Видѣла ты во снѣ двухъ волковъ въ дверяхъ, испугалась, кинулась въ уголь, тамъ пламя. Дастъ тебѣ Богъ двухъ дѣтей, а тамъ, гдѣ пламя видѣла, Богъ тебѣ золото дастъ. Мулла правду сказалъ, что тебѣ откочевать надо, но ты, когда откочуешь, поставь избу дверью къ старому мѣсту и посмотри не прійдетъ-ли мулла. Женщина пошла и нашла въ стѣнѣ, гдѣ видѣла пламя, золото. Положила она золото въ ящикъ и перекочевала на новое мѣсто. Ночью увидѣла она, что пришли на то мѣсто гдѣ жила она, сорокъ муллъ и стали землю копать. Но муллы ничего найти не могли и рѣшили, что здѣсь дѣло не обошлось безъ Адрыша. Рѣшили муллы убить его и послали къ царю просить Адрыша отдать имъ на обученіе. Адрышъ раньше уже зналъ все это и сказалъ царю: „Прійдутъ къ тебѣ завтра муллы, будутъ просить отдать имъ меня въ обученіе, ты отдай.“ Назавтра въ обѣдъ пришли къ царю муллы, принесли пудъ золота и стали просить от-

дать имъ Адрыша въ обученіе. Царь отдалъ имъ Адрыша и сказалъ: „Кости мои, тѣло ваше.“ Стали муллы Адрыша учить. Въ праздники они домой отпускали. Но одинъ разъ въ праздникъ пришелъ мулла и повелъ его къ палачу; привелъ, отдалъ палачу кусокъ золота величиною съ кулакъ и велѣлъ Адрышу голову отрубить. Палачъ распялъ Адрыша; прибилъ ему гвоздями руки и ноги, и рѣшилъ ему вечеромъ голову отрубить, чтобы кровь пить. Ходить палачъ взадъ и впередъ мимо Адрыша. Адрышъ спросилъ его, что онъ гуляетъ. Палачъ отвѣтилъ: „Я тебя убью сейчасъ“.

— „Подожди два часа, тебѣ за меня пудъ золота дадутъ. Если я не правду говорю, тогда отруби мнѣ голову“ — сказалъ Адрышъ. А царь въ эту ночь видѣлъ сонъ, но забылъ его и объявилъ всѣмъ своимъ приближеннымъ и мулламъ, что головы имъ отсѣчетъ, если къ обѣду не скажутъ, что во снѣ видѣлъ. Муллы, кинулись къ палачу и дали ему пудъ золота. Отдалъ онъ имъ Адрыша обратно. Положили они его на подушки, принесли къ себѣ и стали просить сказать имъ, что царь во снѣ видѣлъ, говоря, что они къ палачу его отдавали желая только пошутить надъ нимъ; что они любятъ его, что они его учили. Адрышъ сказалъ имъ, что онъ знаетъ, что царь во снѣ видѣлъ. Пришли муллы съ Адрышемъ къ царю и сказали: „Сонъ твой даже Адрышъ знаетъ“. Адрышъ попросилъ царя, чтобы онъ пятьсотъ вооруженныхъ воиновъ вызвалъ. Царь исполнилъ просьбу Адрыша. Тогда Адрышъ сказалъ: „Видѣлъ ты во снѣ что на морѣ купался, когда же вышелъ на берегъ сорокъ свиней прибѣжали и въ грязи валять тебя стали, сорокъ волковъ прибѣжали грызть тебя стали“. — „Что значитъ этотъ сонъ?“ — спросилъ царь. „Море — это царство твое. Сорокъ свиней, — это жены твои. Сорокъ волковъ, — это муллы твои. Муллы живутъ съ женами твоими и тебя убить хотятъ“. — сказалъ Адрышъ. Тогда воины убили всѣхъ женъ и муллъ. Адрыша же не стало видно: онъ поднялся на небо. Восемьдесятъ головъ, какъ говорила голова въ полѣ, погибло.

Саунабиръ-ханъ.

У одного человѣка было три тысячи коней, передъ смертью

позвалъ онъ своихъ трехъ сыновей и сказалъ имъ: „Возьмите каждый себѣ по тысячи коней. Живите въ согласіи. Гдѣ кто хочетъ — бывайте, но на гору не ходите; что за горой дѣлается — не глядите“. Умеръ человекъ, сыновья стали торговать и у каждаго изъ нихъ стало по три тысячи коней. Захотѣлось имъ на гору пойти, узнать, почему отецъ имъ туда ходить не велѣлъ. Не утерпѣли они зашли на гору. Увидѣли они тамъ горнаго барана съ золотыми рогами. Побѣждалъ баранъ отъ нихъ словно раненый, кинулись братья ловить его, — онъ ихъ заманилъ къ городу по ту сторону горы. Въ городѣ томъ жило много народу и царская дочь загадывала тамъ загадку: „Что царица Куль Саунабирь-хану за его доброту сдѣлала?“. За того, кто отгадаетъ эту загадку царская дочь обѣщала выдти замужъ. А кто брался отгадывать но не могъ отгадать, тому голову отсѣкали. Царю давно уже хотѣлось выдать свою дочь, но ни одного еще человека не нашлось который бы отгадалъ загадку. Братья рѣшили попытать счастья. Сталъ одинъ изъ нихъ отгадывать, но не могъ отгадать, — отсѣкли ему голову. Другой сталъ отгадывать, но тоже отгадать не могъ, и ему отсѣкли голову. Третій братъ не зналъ, что ему дѣлать. Назадъ вернуться, — тамъ три семьи, девять тысячъ головъ скота: гдѣ ему управиться. Загадку отгадывать — голову отсѣкутъ. Думалъ онъ думалъ и рѣшилъ пойти Богу молиться, чтобы Богъ помогъ ему загадку отгадать. Пошелъ онъ и встрѣтилъ въ степи старика со старухой. Разказалъ имъ что съ нимъ случилось и куда онъ пошелъ. Старикъ выслушалъ его и сказалъ: „Далеко тебѣ, сынокъ мой, до Саунабирь-хана идти. Вотъ впереди будетъ большая гора, до нее пути мѣсяцъ. На горѣ растетъ дерево высотой въ тысячу аршинъ, толщиной въ день обойти; на этомъ деревѣ гнѣздо двухглаваго орла. Когда орелъ улетаетъ, семиглавый змѣй вползаетъ на дерево и съѣдаетъ птенцовъ. Если ты убьешь змѣя то орелъ тебѣ скажетъ гдѣ почетный царь Саунабирь-ханъ живетъ и тебя къ нему свезетъ“. Пошелъ онъ дальше и пришелъ черезъ сорокъ дней къ горѣ. Зашелъ на гору, легъ подъ тѣнь дерева и заснулъ. Разбудился онъ отъ сильнаго шума. Увидѣлъ что къ дереву семиглавый змѣй ползетъ, отрубилъ ему всѣ семь головъ. Птенцы ему и говорятъ: „Не ты бы, такъ насъ бы змѣй

всѣхъ съѣлъ. Погоди, наша мать скоро прилетитъ“. Подулъ сильный вѣтеръ, пошелъ дождь,—это плакала орлица, думая, что ея дѣтей змѣй съѣлъ. Скоро показалась сама орлица, она летѣла какъ туча, у ней когти были длиною въ пятнадцать аршинъ. Увидала она змѣя убитого и спросила: „Живы ли вы, дѣтки? Какъ вы убили его? Были у меня дѣти съ золотыми когтями, были дѣти съ желѣзными когтями, не могли они убить змѣя, онъ ихъ всѣхъ загубилъ“. Дѣти ей сказали: „Сдѣлаешь ли доброе дѣло? Не съѣшь ли кого мы тебѣ покажемъ?“ — „Нѣтъ, не съѣмъ“ — отвѣтила имъ мать. Тогда они приподняли крылья, показали ей своего избавителя и сказали, что если бы не онъ, то змѣй съѣлъ бы ихъ. Орлица схватила его и глотнула до половины. Птенцы закричали, чтобъ она не глотала его. Она освободила его и онъ до половины сталъ золотымъ. „Еслибы я сглотнула всего,—весь бы онъ былъ золотымъ“ — сказала она дѣтямъ. Ты теперь—сынъ мой. Скажи мнѣ, зачѣмъ и какъ ты пришелъ сюда?“ — сказала она ему. Онъ сказалъ, что пошелъ искать Саунабиръ-хана. «Восемьдесятъ лѣтъ надо идти тебѣ до него. Садись на меня, я тебя въ десять дней довезу» — сказала она ему. Онъ сѣлъ. Черезъ десять дней принесла она его къ воротамъ крѣпости, дала ему свое перо и велѣла жечь, когда ему нужна будетъ ея помощь. Пошелъ онъ въ крѣпость и сталъ тамъ вмѣстѣ съ другими работать черную работу. Сорокъ лѣтъ прожилъ онъ въ крѣпости и сталъ задумываться, что старый стаеъ, а его никто не спрашиваетъ откуда и зачѣмъ онъ пришелъ. Разъ ханъ спросилъ его, откуда онъ пришелъ къ нему на службу. Онъ разсказалъ все хану. Разсказалъ, какъ самырыкъ его на себѣ принесъ. Саунабиръ-ханъ сказалъ ему: «Никто того, что ты узнать хочешь, не знаетъ. Все что хотѣла жена моя Куль я исполнялъ. Замѣтилъ я, что конь у меня потѣтъ сталъ. Сталъ я за женой смотрѣть. Разъ ночью набрала она ѣды разной, сѣла на коня и поѣхала. Я сѣлъ на другого коня, поѣхалъ за ней. За мной побѣжала моя собака. Переѣхали мы гору, переплыли черезъ море, подѣхала моя жена къ столбу, привязала коня къ кольцу, взяла пищу привезенную съ собой и ушла внизъ. Тамъ жилъ семиголовый Джалмангысъ. Отдала она ему пищу. Двое дѣтей закричали: «Мама, мама!» Она

накормила ихъ и легла спать. Отсѣкъ я Джалмангысу пять головъ, жена моя проснулась и отняла у меня саблю. Мангысъ сборолю тогда меня, но собака за меня заступилась. Кинулся Мангысъ бѣжать, я успѣлъ отсѣчь ему еще одну голову. но онъ убѣжалъ съ одной головой. Теперь тоже дѣлаетъ онъ съ царской дочерью: онъ ей рассказываетъ все и научаетъ загадку загадывать, чтобъ она жила съ нимъ: такъ какъ загадку эту никто не отгадаетъ. Я своей женѣ Куль голову отсѣкъ и дѣтей ея отъ Джалмангыса убилъ. Теперь ты иди назадъ и найди у царской дочери Джалмангыса: онъ тамъ съ ней живетъ и напрасно народъ губить». Какъ только Саунабиръ ханъ сказалъ ему это, онъ зажегъ перо. Прилетѣлъ двухглавый орелъ и отнесъ его на прежнее мѣсто. Пришелъ онъ въ тотъ городъ, гдѣ царская дочь загадку загадывала и прямо къ царю. «У твоей дочери не загадка, — вотъ отгадка тебѣ: — у ней Джалмангысъ въ подпольѣ живетъ. Убей меня, если неправду говорю» — сказалъ онъ царю. Царь сдѣлалъ у своей дочери обыскъ и нашелъ Джалмангыса и двухъ семиголовыхъ дѣтей, которыхъ тутъ же и убилъ. Такъ освободился мѣръ отъ Джалмангыса.

Заарлыкъ-ханъ.

У хана Чанъ-Чарнака было шестьдесятъ женъ, но дѣтей не было. Сказалъ онъ: «Большой калымъ я заплачу тому, кто найдетъ мнѣ такую дѣвушку, чтобъ сына родила». Жилъ одинъ бѣдный старикъ-рыбакъ въ избѣ сдѣланной изъ камыша. у него была шестнадцатилѣтняя дочь, жили они такъ бѣдно, что спали на соломѣ. Старикъ охоту было отдать хану дочь свою, пришелъ онъ домой и заплакалъ. Дочь спросила его, что онъ плачетъ. «Ханъ отобрать тебя хочетъ. Какъ я одинъ жить буду?» — сказалъ онъ ей. «Если ханъ меня взять хочетъ, ты отдай. Онъ тебѣ калымъ заплатитъ. Я ему сына рожу» — сказала дочь. Обрадовался старикъ, засмѣялся, и сталъ къ хану собираться, забралъ всѣ веревки какія были, — скотъ вести отъ хана. Дочь ему и говорить: «Ничего не бери отъ хана, ни коровъ, ни лошадей». Дала она ему маленькій мѣшочекъ и велѣла просить у хана насыпать

мѣшочекъ этотъ золотомъ. Пришелъ старикъ къ хану и сталъ за дочь калымъ просить. «Насыплю я тебѣ полный мѣшочекъ золотомъ, но если дочь твоя не родитъ мнѣ сына, я тебѣ голову отрублю» — сказалъ ханъ и сталъ золото въ мѣшечекъ сыпать. Сыпаль онъ, сыпаль, никакъ насыпать не могъ. Все золото у своего народа отобралъ, но мѣшочекъ все не полный. Собралъ тогда ханъ весь народъ и сказалъ, что не можетъ онъ калымъ за невѣсту заплатить. Столѣтняя старуха Мыстанъ сказала хану: «Я насыплю мѣшочекъ золотомъ, что ты мнѣ дашь за это?» Ханъ сказалъ ей: «Я тебя золотомъ засыплю». Взяла старуха мѣшочекъ, встрясла изъ него все то золото, которое ханъ насыпаль, потомъ бросила въ него горсть земли и стала золото ложить. Положила золота съ пригоршню и мѣшочекъ наполнился весь. Отдалъ ханъ мѣшочекъ съ золотомъ старику за дочь и старуху Мыстанъ золотомъ осыпаль. Сталъ ханъ съ дочерью рыбака жить. Когда пришло время родить, ханъ сказалъ: «Я помру отъ радости когда услышу голосъ сына, лучше уѣду на это время изъ дому». Уѣхалъ ханъ на охоту, а безъ него родились двойники: сынъ и дочь. Шестьдесятъ ханскихъ женъ собрались и стали придумывать куда бы имъ новорожденных спрятать. Пришла старуха Мыстанъ и говорить: «Я ихъ утоплю, что мнѣ за это дадите?» Дали жены ей каждая по полному блюдцу золота. Она пошла взяла дѣтей и положила на ихъ мѣсто двухъ щенковъ. Завернула она дѣтей въ подолъ и принесла къ морю. Мальчикъ ей говорить: «Не бросай насъ, мы тебѣ какъ сынъ и дочь будемъ». Но она, хоть ей и жалко было, бросила ихъ въ воду. Ушла старуха, а ангелъ взялъ дѣтей и унесъ въ горы. Когда ханъ возвращался, его встрѣтилъ одинъ человекъ и сказалъ, что у него родились сынъ и дочь. Обрадовался ханъ; пріѣхалъ домой, а у него два щенка вмѣсто дѣтей. Велѣлъ ханъ бросить дочь рыбака вмѣстѣ со щенками въ море. Бросили ихъ; они стали жить на островѣ. Прошло шестнадцать лѣтъ. Увидѣлъ разъ ханъ во снѣ дочь свою. Сѣлъ онъ утромъ на коня и поѣхалъ какъ бы на охоту. Старухѣ Мыстанъ шестьдесятъ женъ сказали, что ханскія дѣти живы должно быть: ханъ искать уѣхалъ, и велѣли ей найти и убить ихъ. Но старуха не могла найти. Ханъ Чанъ-Чарканъ, охотясь, заѣхалъ на гору и

увидѣлъ дѣвочку съ мальчикомъ. Кинулся онъ къ нимъ, но они убѣжали и спрятались. Ханъ долго искалъ ихъ, но найти не могъ. Тогда онъ сталъ часто плакать и молиться Богу. Жены его узнали гдѣ онъ дѣтей видѣлъ и сказали старухѣ Мыстанѣ. Она пошла и нашла ихъ; одѣты они были въ звѣриныя шкуры; мальчикъ уже выросъ. Старуха стала говорить ему, что пора ему уже невѣсту для себя искать, что у китайскаго хана Кульмеса есть дочь и ему надо туда идти; что тамъ онъ человѣкомъ будетъ, не будетъ въ звѣриной шкурѣ ходить; что Кульмесь-ханъ его послѣ себя паремъ сдѣлаетъ. Сталъ онъ послѣ этого задумываться. Разъ ушелъ онъ, старуха обрадовалась, подумала, что онъ ушелъ къ Кульмесь-хану и погибнетъ въ дорогѣ, и хотѣла сестру его задавить. Но братъ уходилъ на охоту, воротился и увидѣлъ, что сестра его плачетъ. «Что ты плачешь?» — спросилъ онъ ее. «Меня бабушка задавить хотѣла» — сказала сестра. Но старуха сказала ему, что сестра его это во снѣ увидѣла. Онъ повѣрилъ старухѣ. Послѣ этого онъ оставилъ сестру свою жить со старухой, самъ же пошелъ къ Кульмесь-хану. Долго онъ шелъ; зашелъ онъ въ голодную степь, нѣсколько дней не ѣлъ не пилъ, ноги у него заболѣли и онъ не могъ ни назадъ вернуться ни впередъ идти. Лежалъ онъ въ степи, плакалъ и молился Богу. «Пожалѣй меня, Господи!» сказалъ онъ со слезами и заснулъ. Увидѣлъ онъ во снѣ, что Кадырь пришелъ и погладилъ ему ноги. Проснулся онъ утромъ, — ноги у него здоровы. Всталъ онъ и пошелъ; пришелъ къ высокой горѣ и сталъ подниматься. Пятнадцать дней нужно было подниматься, пятнадцать дней спускаться подъ гору. Но ему Кадырь сказалъ съ неба: «Давай руку!» Онъ подаль руку, Кадырь взялъ его за руку и поднялъ на гору. Сталъ онъ съ горы спускаться, всю звѣриную шкуру, въ которую одѣтъ былъ, изорвалъ о кустарникъ и камни и себя изранилъ. Когда спустился онъ съ горы, то сильно пить захотѣлъ, а воды нигдѣ не было. Выдернулъ онъ березу съ корнемъ, переломилъ ее, пошелъ и сталъ изъ нея сокъ сосать. Пришелъ онъ къ морю, а на берегу моря Кульмесь-ханъ охотился и съ нимъ еще сорокъ человѣкъ. Увидѣли они его и засмѣялись. Стали они его копьями въ голое тѣло тыкать. Кульмесь-ханъ не велѣлъ имъ этого дѣлать и спросилъ

его, кто онъ такой. — „Я Заарлыкъ. Я давно тебя искалъ, ханъ. Слава Богу, нашелъ. Сколько время искалъ я тебя. Давай мнѣ коня, копье, саблю, шлемъ и кольчугу“ — сказалъ онъ. Кульмесь-ханъ ничего не сказалъ, засмѣялся и уѣхалъ. Никогда не смѣялся Кульмесь-ханъ, всѣ удивились и стали спрашивать, надъ чѣмъ онъ засмѣялся. «Онъ во сто разъ сильнѣе меня, а меня просить. Это дѣло Божье. Я засмѣялся. Онъ богатырь, — увидите завтра». — сказалъ Кульмесь-ханъ. Заарлыкъ пошелъ въ городъ. Зашелъ въ городъ и сталъ брать все, что ему нравилось. Набралъ всего и пошелъ. Догнали его люди и хотѣли побить. Онъ поймалъ одного и убилъ имъ всѣхъ остальныхъ. Собрался народъ и рѣшилъ убить его. Онъ взялъ ломъ и началъ бить народъ. Народъ разбѣжался. Заарлыкъ посмотрѣлъ на себя и увидѣлъ, что онъ въ грязи. Пошелъ онъ въ моръ мыться. Кульмесь-ханъ послалъ сорокъ человѣкъ звать его къ себѣ. Стали они звать его издали. Онъ сказалъ имъ: „Идите ближе“. Они подошли, онъ сталъ играть ими. Пятнадцать человѣкъ убѣжали и сказали Кульмесь-хану. Кульмесь-ханъ сказалъ имъ: „Не правду ли я вчера говорилъ?“. Поѣхалъ Кульмесь-ханъ самъ къ Заарлыку и сталъ его въ зятя звать. Но Заарлыкъ сказалъ: „Ты вчера надо мной, сиротой, смѣялся“. Тогда Кульмесь-ханъ поклонился ему въ ноги и сказалъ: „Только Богъ одинъ не ошибается. Прости меня. Возьми мое мѣсто и единственную дочь мою возьми“. Послалъ Кульмесь-ханъ за дочерью двадцать женъ своихъ. Воротились жены обратно безъ дочери и сказали, что карадау утащилъ ее и домъ разрушилъ, только на одномъ окнѣ кровь осталась. Разсердился Заарлыкъ и велѣлъ дать ему коня и саблю. Кульмесь-ханъ сказалъ: „Не ѣзди Заарлыкъ: онъ убьетъ тебя“. Но Заарлыкъ сѣлъ на коня и поѣхалъ искать карадау. Переплылъ онъ море и остановился на горѣ ночевать. Легъ спать, — гора зашевелилась. Это было жилище демона. Заарлыкъ отворилъ дверь и увидѣлъ парскую дочь. Она сказала ему: «Уходи скорѣе: проснется карадау, убьетъ тебя». Заарлыкъ сказалъ: „Я самъ его разбуджу“. Ударилъ Заарлыкъ его батикомъ, онъ проснулся и сказалъ: „Комаръ укусилъ“. — „Вставай, бороться будемъ, или я тебя убью“ — сказалъ Заарлыкъ. Карадау протянулъ ему ногу и сказалъ: „Если ногу

сборишь, такъ буду я съ тобой бороться“, Заарлыкъ взялъ ремень изъ лъвиной кожи, сдѣлалъ петлю, накинулъ ему на ногу, сѣлъ на коня и потащилъ. Долго таскалъ онъ карадау по горамъ. Сталъ карадау умолять отпустить его. Заарлыкъ снялъ петлю. Стали они бороться. Карадау сталъ побарывать. Заарлыкъ сталъ Богу молиться. Явился Кадыръ и далъ ему сто богатырскихъ силъ. Заарлыкъ ударилъ тогда карадау о землю и отрѣзалъ ему голову. Послѣ этого взялъ онъ дочь Кульмесь-хана и поѣхалъ. Сталъ черезъ море переплывать, — чуть не утонулъ. Кульмесь-ханъ увидалъ дочь свою, обрадовался. Но Заарлыкъ у Кульмесь-хана не долго жилъ. Увидалъ одинъ разъ во снѣ онъ сестру свою, она упрекнула его, что онъ забылъ ее. Сталъ онъ утромъ собираться въ путь, Кульмесь-ханъ съ дочерью стали уговаривать его остаться у нихъ. „Домой надо. Меня сестра на горѣ въ пещерѣ ждетъ“ — сказалъ Заарлыкъ и уѣхалъ. Долго онъ ѣхалъ, наконецъ пріѣхалъ къ пещерѣ. Зашелъ въ пещеру, тамъ никого нѣтъ. Сталъ онъ плакать и кричать, звать сестру. Сестра услышала его голосъ, прибѣжала. Поставили они юрту и стали жить. Отецъ ихъ Чанъ Чарканъ охотился разъ по близости и увидалъ оленя съ золотыми рогами. Сталъ онъ за оленемъ гоняться. Олень забѣжалъ въ осинникъ и скрылся. Заарлыкъ увидалъ оленя и также погнался за нимъ. Забѣжалъ на гору и увидѣлъ отца съ охотниками. Поѣхалъ онъ и сказалъ сестрѣ. Сестра пошла пѣшкомъ встрѣчать отца. Встрѣтились они. Заарлыкъ сказалъ: „Мы дѣти твои. Ты насъ видѣлъ одинъ разъ, но мы спрятались и ты найти насъ не могъ. Тогда еще не время было намъ встрѣтиться“. Чанъ-Чарканъ обрадовался, заплакалъ и хотѣлъ онъ взять за руку дочь свою, но она руку не дала ему. «Найди сперва мою мать» — сказала она ему. Сталъ онъ искать. Явился ему во снѣ святой Кадыръ и указалъ мѣсто, гдѣ искать нужно. Поѣхалъ Чанъ-Чарканъ на указанное мѣсто. Дочь рыбака жила тамъ въ шалашѣ съ двумя щенками, которыя были брошены вмѣстѣ съ нею. Одна изъ этихъ собакъ увидѣвъ хана, прибѣжала въ шалашъ, схватила женскій головной уборъ и побѣжала. Дочь рыбака побѣжала за ней, отнимать свой джавлукъ. Собака прибѣжала къ Чанъ-Чаркану. Встрѣтился ханъ со своей женой, взялъ ее и двухъ собакъ

и поѣхалъ къ дѣтямъ. Обрадовались дѣти. Приѣхалъ Чанъ-Чарканъ со своей семьей домой и велѣлъ своимъ шестьдесятъ женъ казнить. Услыхала про это старуха Мыстанъ и побѣжала. Ее догнали возлѣ моря, отрѣзали ей носъ, выкололи глаза и на колѣ посадили. Чанъ-Чарканъ, когда сталъ старымъ, созвалъ весь народъ свой и сказалъ: „Скажите мнѣ, кого любите больше всѣхъ, — я его ханомъ сдѣлаю“. „Заарлыка любимъ больше всѣхъ“ — сказалъ народъ. Чанъ-Чарканъ сдѣлалъ Заарлыка ханомъ, а самъ ушелъ Богу молиться.

Арыкъ Мергенъ.

Когда было Асъ-Джанибеку двѣнадцать лѣтъ, узналъ онъ отъ старыхъ людей, что Арыкъ-Мергенъ встрѣчаетъ утромъ на своей сивой лошади восходящее солнце на востокъ и вечеромъ провожаетъ его на западъ. Захотѣлось Асъ-Джанибеку увидѣть Арыкъ Мергена и узнать отъ него, что онъ въ своей жизни видѣлъ. Зашелъ Асъ-Джанибекъ на гору передъ закатомъ солнца и и увидѣлъ Арыкъ-Мергена. „Дѣдушка, дѣдушка, остановись“ — закричалъ Асъ-Джанибекъ. Арыкъ Мергенъ остановился, потому что считалъ за грѣхъ не остановиться, если просить. „Что тебѣ надо? — спросилъ онъ. Подбѣжалъ Асъ-Джанибекъ къ нему и сказалъ: „Дѣдушка, ты много ѣздишь, скажи мнѣ, что ты видѣлъ въ своей жизни?“ — „Много видѣлъ я и худого и добраго. Про что тебѣ рассказать?“ — сказалъ Арыкъ-Мергенъ. „Слѣзь, дѣдушка съ лошади и расскажи мнѣ, что ты въ жизни хорошее видѣлъ“ — сказалъ Асъ-Джанибекъ. Слѣзь Арыкъ-Мергенъ и сталъ рассказывать: — „Закатилось разъ солнце, я проводилъ его и сталъ дожидаться разсвѣта, чтобъ на востокъ ѣхать. Передъ разсвѣтомъ, когда стало зориться, увидѣлъ что съ востока, высоко на небѣ, летитъ, какъ золотая ленточка, огненный змѣй. Гора, за которую солнце закатилось и на которой я стоялъ, зашевелилась. Подлетѣла полоска ближе, я выстрѣлилъ и оторвалъ у ней одинъ конецъ. Конецъ упалъ на землю, а сама она улетѣла обратно. Увидѣлъ, я, что это змѣя была, и хвостъ я у ней оторвалъ на семь сажень длины. Гора, на которой я былъ, тоже змѣй былъ

и хвостъ у него былъ раздвоенъ. Захватилъ онъ меня хвостомъ и утащилъ вмѣстѣ съ лошадыю въ пещеру. Въ пещерѣ той золота было видимо-невидимо. «Бери сколько хочешь: ты мою смерть воротилъ» — сказалъ мнѣ змѣй. Взялъ я два кожаныхъ мѣшка золота, змѣй потащилъ меня обратно, двое сутокъ на хвостѣ тащилъ. Проводилъ меня змѣй почти до самого дома. Увезъ я золото домой, а самъ опять поѣхалъ встрѣчать и провожать солнце. Теперь я тебѣ худое расскажу. Приѣхалъ я одинъ разъ на западъ, проводилъ солнце и сталъ въ лѣсу мясо варить. Пришла людоедка, носъ въ рукавѣ держитъ, руки прячетъ, глазъ одинъ на лбу. «Зачѣмъ приѣхалъ? Мясо не ѣшь?» — спрашиваетъ. «Арыкъ-Мергенъ когда мясо ѣстъ, о траву руки вытираетъ. Когда сало ѣстъ, о сало вытираетъ. Кости грызетъ, какъ сталь грызетъ» — сказалъ я ей. Она изругалась и взадъ-пятки ушла въ лѣсъ. Взялъ я положилъ дерево на мѣсто себя, закрылъ его, въ голову сѣдло положилъ, отошелъ самъ отъ огня и залѣзъ самъ на лѣсину. Ночью пришла людоедка, посмотрѣла, — человѣкъ спитъ. Накалила свои мѣдныя руки на огнѣ, подошла, да какъ цапнетъ, и заругалась: поняла, что я ее обманулъ. Ругается, а руки изъ дерева выдернуть не можетъ. Я выстрѣлилъ въ нее. Она чурку на двое разорвала, заревѣла и пошла въ лѣсъ. На разсвѣтѣ пошелъ я по крови, и нашелъ ее мертвой возлѣ пещеры. Зашелъ я въ пещеру, тамъ двое дѣтей, такихъ же какъ она: на лбу одинъ глазъ, носъ и руки мѣдныя, и добра всякаго много было. Убилъ я дѣтей и ничего не хотѣлъ брать, да увидѣлъ дорогое саукеле (головной уборъ невѣсты). вспомнилъ я, что у меня сестра невѣста и взялъ его. Привезъ я саукеле домой и заперъ въ ящикъ. Пришло время сестру въ замужъ выдавать, я досталъ саукеле, отдалъ ей и сказалъ: „Это саукеле людоеды искать будутъ: я у нихъ его взялъ для тебя. Возьми топоръ или копье и ночью не спи: людоеды придти могутъ. Повѣрь мнѣ: мы одного съ тобою отца“. Ода черезъ два, одинъ разъ ночью въ юрту одноглазая старуха-людоедка пришла и стала огонь раздувать, да руки накаливать. Сестра моя топоръ взяла, подошла тихонько и отрубила ей голову, а туловище у ней на улицѣ осталось и такой было длины, на сколько можно было костыль бросить. Бышла сестра моя ут-

ромъ изъ юрты и увидала, что старуха ночью весь аулъ переби-
ла. Послала она сказать объ этомъ. Я ей сказалъ, что еще ста-
рикъ остался. А у меня тогда близкій другъ былъ, сталъ онъ
просить меня, чтобъ взялъ я его вмѣстѣ съ собою ѣздить. Конь
у него былъ хорошій, я согласился. Приѣхали мы къ одной горѣ,
солнце уже закатилось. Остановились ночевать, на разсвѣтѣ уви-
дали: пятьсотъ баранъ изъ горы вышли. Бараны не бараны и на
козловъ не похожи. Вечеромъ ушли всѣ бараны опять въ пещеру.
Вышелъ изъ пещеры отоглазый старикъ, увидалъ насъ. „Это ты
Арыкъ-Мергенъ? Слѣзай, заходи ко мнѣ ночевать“ — говоритъ, а
самъ смѣется. Мы все оставили возлѣ пещеры и пошли къ нему.
Онъ повелъ насъ изъ комнаты въ комнату; въ пятую комнату
завелъ, двери заперъ и сказалъ: „Ты, Арыкъ-Мергенъ, у меня
дочь и внучать убилъ. Сестра твоя жену мою старуху убила.
Теперь ты самъ ко мнѣ пришелъ и все на улицѣ оставилъ. Такъ
Богъ велѣлъ: смерть твоя пришла. Я ѣсть хочу: рѣшайте, кого
изъ васъ перваго рѣзать!“ Товарищъ сталъ меня утѣкать, что
я даже саблю съ собою не взялъ, а самъ говоритъ старику:
„Рѣжь меня перваго, его потомъ съѣшь“. Старикъ зарѣзалъ его
и сталъ варить. Варилъ, варилъ и заснулъ. Увидалъ я желѣзный
ломъ въ углу, взялъ тихонько, накалил до красна и ударилъ
имъ что было силы старику въ глазъ, а самъ кинулся въ двери.
Но на улицу не могъ выбраться, а цопалъ къ баранамъ. Сталъ
старикъ утромъ баранъ выпускать. Каждого ощупалъ, каждого
между ногъ пропустилъ. Пришли вечеромъ бараны, онъ опять
каждого между ногъ пропустилъ, каждого ощупалъ, всѣхъ сосчи-
талъ. Зарѣзалъ я ночью барана, снялъ шкуру и залѣзъ въ нее.
Сталъ утромъ старикъ барановъ выпускать, опять каждого сталъ
ощупывать. Подошелъ я къ нему на четверенькахъ, онъ сталъ
меня ощупывать, а самъ говоритъ: „Что же ты похудѣлъ такъ?
Отпустить тебя или нѣтъ? Ну, да ужъ иди, поправляйся“ — и
пропустилъ меня между ногъ. Вышелъ я и закричалъ ему: «Ты
меня отпустилъ!» Тогда онъ сказалъ мнѣ: «Ты у меня всѣхъ
убилъ, я одинъ остался. Убей и меня. Барановъ себѣ возьми.
Только угнать ихъ отсюда надо. Если черезъ три дня не угонишь,
они насѣкомыми сдѣлаются». Убилъ я его и уѣхалъ. Черезъ мѣ-

сяцъ пріѣхалъ я за баранами, но не нашелъ ихъ. Ну, Асъ Джанибекъ, больше времени у меня говорить съ тобой нѣту. Видишь солнце закатывается. Ыхатъ надо. Меня никто еще не встрѣчалъ, кромѣ тебя: ты ханомъ будешь». Съѣлъ Арыкъ-Мергенъ на своего коня и уѣхалъ.

О трехъ братьяхъ.

Жили три брата, были они богаты. Одинъ изъ нихъ купилъ зеркало, въ которое все видно, что на свѣтѣ дѣлается. Другой купилъ лѣкарство, которымъ умирающаго можно оживить. Третій купилъ Джелмаю — верблюда легкаго на бѣгу, какъ пуля. Собрались они вмѣстѣ и стали другъ другу про покупки рассказывать. Поглядѣли въ зеркало: — у царя дочь помираетъ; царь говоритъ: „Кто вылѣчитъ мнѣ мою дочь, за того я ее и замужъ отдамъ“. Стали братья думать, какъ бы имъ царскую дочь спасти. Лѣкарство есть и верблюдъ есть. Съѣли они всѣ трое на верблюда и поѣхали. Семьдесятъ лѣтъ нужно было ѣхать, верблюдъ ихъ черезъ семь часовъ привезъ. Дали они лѣкарства царской дочери: она выздоровѣла. Стали братья спорить, кому должна достаться царская дочь. Первый сказалъ: „Не было бы зеркала, не увидали-бы“. Второй сказалъ: „Не было бы лѣкарства, не вылѣчили-бы“. Третій сказалъ: „Не было бы верблюда, не пріѣхали бы сюда во время“.

Жили въ то время въ разныхъ городахъ три брата Шуюше и судили народъ. По совѣту царя братья пошли къ нимъ. Каждый изъ судившихъ сказалъ одно и тоже, что верблюдъ троихъ возилъ: въ немъ вся сила; что мѣсяцъ и солнце всѣмъ видны, да ихъ не возьмешь, и что оживить тѣхъ, кто далеко, никакое лѣкарство не можетъ. Взялъ тогда царскую дочь тотъ изъ братьевъ, который верблюда имѣлъ.

Джиренше шешень.

Умеръ у Асъ-Джанибекъ-хана главный управитель. Асъ-Джанибекъ сказалъ: „Кто скажетъ мнѣ, что всего слаще, тотъ будетъ

управителемъ, будетъ вторымъ лицомъ послѣ меня“. Много явилось желающихъ отгадать мысли хана. Одинъ за другимъ проѣзжали они мимо хана и говорили, что по ихъ мнѣнію слаще всего на свѣтѣ. Одни говорили, что слаще всего медъ, другіе, — кумызъ, и т. д. Проѣхалъ мимо хана одинъ бѣднякъ на рыжей лошаденкѣ и сказалъ: «Слаще всего яйцо съ солью». Когда проѣхали всѣ, Асъ-Джанибекъ велѣлъ ѣхать всѣмъ мимо него обратно и сказалъ, что одинъ изъ нихъ отгадалъ. Приѣхавъ домой, ханъ велѣлъ послать мудрому человѣку на рыжей лошади, — Джиренше пшеницу, чашку масла. Джиренше долженъ былъ масло съѣсть, а чашку возвратитъ обратно хану. Купилъ Джиренше иголокъ, накололъ ихъ въ масло такъ много, что масла стало не видно и отправилъ обратно хану. Увидѣлъ Асъ-Джанибекъ, что прислалъ ему Джиренше масло обратно съ иголками, велѣлъ сковать иголки въ кусокъ стали и послать его Джиренше. Сдѣлавъ Джиренше изъ куска стали саблю и послалъ ее хану. Асъ-Джанибекъ одѣлъ на себя саблю, вышелъ на высокое мѣсто, велѣлъ всѣмъ своимъ вельможамъ выстроиться въ рядъ, Джиренше поставить въ средину ряда, и идти къ нему. Когда стали подходить вельможи, Асъ-Джанибекъ вынулъ саблю изъ ноженъ, поднялъ кверху и отпустилъ внизъ, Джиренше показавъ на лобъ и языкъ, повернулся и ушелъ. Когда подошли вельможи, Асъ-Джанибекъ спросилъ ихъ, поняли ли они о чемъ онъ говорилъ съ Джиренше. Но они ничего не поняли. Тогда Асъ-Джанибекъ сказалъ: „Я послалъ ему чашку полную масла, просилъ его возвратитъ мнѣ чашку—у него полная чаша ума, но онъ не захотѣлъ служить мнѣ, возвратилъ масло утыканное иголками. Я зналъ, что умъ его колкій и отвѣтилъ ему, что не боюсь его колкостей, что силой своею могу сдѣлать съ его умомъ то, что сдѣлалъ съ иглами. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что только силой я могу заставить его подчиняться: онъ прислалъ мнѣ саблю. Когда вы шли ко мнѣ, я сказалъ ему что я выше, а онъ ниже меня, что онъ долженъ подчиниться мнѣ. Но онъ отвѣтилъ, что пока у него есть умъ и острый языкъ, онъ не уважитъ мнѣ. Идите къ нему и скажите, что онъ второе лицо послѣ меня въ моемъ ханствѣ, пусть идетъ онъ ко мнѣ и управляетъ народомъ.

Пришелъ Джеренше къ хану въ лохмотьяхъ. Асъ-Джанибекъ одѣлъ его въ дорогія одежды, а когда узналъ, что онъ еще не женатъ, такъ какъ ничего не имѣлъ, чѣмъ бы могъ заплатить за невѣсту, то сказалъ ему, чтобъ онъ искалъ невѣсту не заботясь о калымѣ, потому что у Асъ-Джанибека хватить чѣмъ заплатить. Сѣлъ Джеренше на коня и поѣхалъ. Когда онъ подъѣзжалъ къ одному аулу, пошелъ дождь. Дѣвушки, собиравшія дрова близъ аула, побросали дрова и побѣжали въ аулъ; но одна изъ нихъ закрыла дрова свои халатомъ и стала ловить теленка. Когда она поймала теленка, Джеренше подъѣхалъ къ ней и спросилъ, почему она не побѣжала въ аулъ съ прочими. Она отвѣтила, что тѣ, которыя убѣжали, дуры: до аула, пока они бѣжали, ихъ дождь всеравно вымочилъ, дрова у нихъ дождь также вымочилъ, телятъ имъ послѣ дождя не найти, а уже скоро вечеръ. У меня только халатъ мокрый. Теленка мнѣ теперь не ловить, не искать, пройдетъ дождь, я подою корову. (Киргизскую корову, когда при ней нѣтъ ея теленка, подоить невозможно). Дрова у меня сухіе, вечеромъ у огня я халатъ высушу. Джеренше нужно было ѣхать дальше, на пути же текла рѣчка. Не зная дороги, онъ спросилъ у ней, не знаетъ ли она брода черезъ рѣчку. Дѣвушка указала ему два брода и сказала, что дальній бродъ долгій, но скорый, а ближній короткій, но долгій. Джеренше спросилъ, гдѣ она живетъ. Она смѣясь отвѣтила ему, что живетъ въ той юртѣ, въ которой сорокъ дыръ. Джеренше поѣхалъ ближнимъ бродомъ. Бродъ былъ короткій, прямо съ берега на берегъ, но вода послѣ дождя поднялась и Джеренше сбился съ брода. Кое какъ, вымочившись весь, онъ выбрался на другой берегъ. Обратнo онъ поѣхалъ дальнимъ бродомъ, бродъ этотъ былъ долгій, наискось, но мелкій, Джеренше очень скоро переѣхалъ его. Приѣхалъ Джеренше въ аулъ, вездѣ темно, только въ одной юртѣ во всѣ дыры свѣтится огонь. Джеренше подъѣхалъ къ этой юртѣ, слѣзъ съ коня и зашелъ. Въ юртѣ было много людей, почти весь аулъ къ огню собрался. Джеренше былъ принятъ какъ гость. Сѣлъ онъ и глядя на дѣвушку, взялъ себя за бороду. Она взяла свою косу въ руку. Джеренше, взявъ всю бороду въ руку, хотѣлъ сказать этимъ ей, что онъ за нее все отдастъ. Она поняла его и отвѣтила, что ее

отецъ не отдастъ. Сталь Джеренше сватать ее у отца. Отецъ отвѣтилъ, что если она согласится, то онъ отдастъ. Тогда она, смѣясь, сказала Джеренше: „Если ты пригонишь сюда къ порту всѣхъ собакъ сосѣдняго аула, то я пойду за тебя“. — Какъ я ихъ пригону“ сказалъ Джеренше. Она опять отвѣтила ему, смѣясь: „Не пригонишь, — я не пойду“. Тогда Джеренше сталъ просить ее, чтобъ она ему не шутя сказала. Она дала ему сумочку и веревку въ сажень длины и велѣла сумочку полную золота насыпать, а къ веревкѣ баранъ привязать, сколько можно будетъ. Взялъ Джеренше сумочку и веревку и поѣхалъ къ Асъ-Джанибеку. Сталь Асъ-Джанибекъ въ сумочку золота насыпать; сыпалъ, сыпалъ, все свое золото высыпалъ, а сумочка все не полна. Сталь къ веревкѣ баранъ привязывать; привязывалъ, привязывалъ, тысячу баранъ привязывалъ, а веревка все еще растягивается. Созвалъ тогда Асъ-Джанибекъ народъ свой и сталъ спрашивать, какъ ему калымъ заплатить. Одна старуха посмѣялась надъ ханомъ и надъ Джеренше; потомъ взяла сумочку, вытряхнула изъ нея все золото, которое Асъ-Джанибекъ въ нее сыпалъ, взяла горсть земли бросила въ сумочку и стала въ нее золото сыпать. Сумочка сразу наполнилась. Сумочка и веревка были сдѣланы изъ человѣческаго глаза: до тѣхъ поръ пока глазъ человѣческой не будетъ засыпанъ землей, ему все будетъ мало. Женился Джеренше и сталъ всѣмъ ханствомъ управлять. Народъ забылъ скоро хана Асъ-Джанибека и зналъ одного только Джеренше. Тогда Асъ-Джанибекъ рѣшилъ погубить Джеренше, а жену его взять себѣ. Велѣлъ Асъ-Джанибекъ Джеренше явиться къ нему судить двухъ людей, но чтобы Джеренше не шелъ пѣшкомъ, не ѣхалъ на лошади, ни степью, ни дорогой, и чтобы со прибытіи не заходилъ къ нему и не оставался на улицѣ. Не зналъ Джеренше какъ ему исполнить волю хана, но жена научила его. Сѣлъ Джеренше на телку, поѣхалъ по дорожной гривкѣ, поросшей травой, пріѣхалъ къ Асъ-Джанибеку, одну ногу оставилъ въ стремени, другою всталъ на порогъ, разсудилъ двухъ человекъ и уѣхалъ обратно. Послѣ этого Асъ-Джанибекъ велѣлъ Джеренше быка изжарить, но такъ, чтобы быкъ этотъ нигдѣ не былъ тронутъ ножемъ и нечистотъ чтобы въ немъ не было. Сдѣлалъ

Джеренше большую печь на столбахъ изъ камней; снизу съ боковъ и сверху обложилъ ее дровами. Напоилъ Джеренше быка соленой водой изъ озера и сталъ гонять, нѣсколько разъ поилъ пока не вычистилъ всѣ внутренности, потомъ помѣстилъ быка въ печь и зажегъ дрова. Когда выдернулся волосъ изъ хвоста быка съ мясомъ, Джеренше затушилъ огонь, вынулъ быка и положилъ передъ Асѣ Джанибекъ-ханомъ сказавъ, что подъ брюшиной только оставилъ немного травы. Тогда Асѣ-Джанибекъ далъ ему шестьдесятъ барановъ и сказалъ: „Если черезъ шестьдесятъ дней всѣ они не обьягнутся у тебя, то я отрублю тебѣ голову“. Пригналъ Джеренше барановъ домой, жена велѣла ему колоть каждый день по барану. Шестьдесятъ дней ѣли у Джеренше баранину. Въ шестидесятый день увидала жена Джеренше что Асѣ-Джанибекъ идетъ, положила мужа въ постель, закутала его шубами, засучила рукава, выпачкала руки въ крови и встрѣтила хана. „Дома, Джеренше?“ — спросилъ ханъ. „Дома, да принять тебя не можеть: растресся сейчасъ, видишь бабничаю“ — отвѣтила жена. „Что ты говоришь, дура, вѣдь онъ мужчина!“ сказалъ ей ханъ. „А развѣ бараны могутъ обьягниться?“ — отвѣтила ему жена Джеренше. Асѣ-Джанибекъ повернулъ коня и уѣхалъ: онъ рѣшилъ убить Джеренше, а жену его взять себѣ силой. Позвалъ Асѣ-Джанибекъ Джеренше ѣхать съ собою въ дальнюю сторону на съѣздъ. Жена Джеренше догадалась для чего зоветъ ханъ ея мужа, сдѣлала на своемъ молокѣ баурсаковъ и кумысу и велѣла угощать дорогой этимъ кумысомъ и баурсаками хана. Поѣхалъ Джеренше съ Асѣ-Джанибекомъ. Дорогой Асѣ-Джанибекъ захотѣлъ пить, Джеренше далъ ему кумыса напиться. Асѣ Джанибекъ напился и спросилъ: „Почему кумызъ сладкій?“ Джеренше отвѣтилъ, что кумызъ сдѣланъ изъ молока его жены. Асѣ-Джанибекъ воротился тотчасъ назадъ: ему не зачѣмъ было убивать теперь Джеренше, жена Джеренше стала ему матерью и онъ не могъ уже взять ее себѣ въ жены. Увидалъ Асѣ-Джанибекъ что впереди катится поперекъ дороги перекасти-поле, велѣлъ онъ Джеренше остановить траву и спросить, почему она не здороваётся съ нимъ. Поѣхалъ Джеренше, загородилъ конемъ вѣтеръ; перекасти-поле остановилось. Джеренше спросилъ перекасти-поле, почему оно не

остановилось передъ Асъ-Джанибекомъ и не поздоровалось, и куда оно покатилося. Перекати-поле отвѣтило, что вѣтеръ знаетъ куда ему бѣжать, яма знаетъ, гдѣ ему остановиться и что не знаетъ оно кто изъ спрашивающихъ его дуракъ, ханъ или Джеренше. Джеренше подъѣхалъ къ Асъ-Джанибеку и сказалъ ему все, что перекати-поле говорило. Остался Асъ-Джанибекъ-ханъ въ дуракахъ. А вѣтеръ понесъ перекати-поле дальше.

Алдаръ-госе.

Вѣхалъ разъ Джеренше-шешень степью и увидѣлъ, что чело-вѣкъ степь измѣряетъ. Подъѣхалъ Джеренше къ нему и спросилъ, что онъ дѣлаетъ. «Середину земли ищу» отвѣтилъ тотъ. Джеренше спросилъ его, далеко ли середина. «Близко, да мнѣ не видно. Съ лошади, навѣрное, можно будетъ увидѣть. Дай-ка, я посмотрю» — отвѣтилъ тотъ. Джеренше слѣзъ съ лошади. Человѣкъ измѣрившій землю вскочилъ на лошадь, ударилъ ее плетью и ускакалъ. «Я — Алдаръ-Госе!» — крикнулъ онъ издали. Обману-тый Джеренше-шешень распоролъ себѣ брюхо и померъ тутъ же на мѣстѣ. Алдаръ-Госе пріѣхалъ въ аулъ, въ которомъ жилъ Джеренше. Изъ аула всѣ откочевали, жена Джеренше одна толь-ко осталась; холить она по берегу рѣчки и не знаетъ, какъ ей перебраться за рѣчку, куда откочевалъ аулъ. Алдаръ-Госе, гово-ритъ ей: «Садись я перевезу». Жена Джеренше догадалась, что хочетъ сдѣлать Алдаръ-Госе и сказала; «У меня ребенокъ. Какъ трое мы переѣдемъ? Дай, я сначала ребенка перевезу, а потомъ вернусь къ тебѣ и вмѣстѣ переѣдемъ». Обрадованный Алдаръ-Госе далъ ей лошадь, она сѣла, переѣхала съ ребенкомъ черезъ рѣчку и уѣхала совсѣмъ. Обманутый Алдаръ-Госе пошелъ пѣшкомъ. Шелъ онъ ночью и встрѣтилъ чорта. Пошли они вмѣстѣ и нашли кусокъ золота съ конскую голову. Чортъ и говорить: «Какъ, то-варищъ, дѣлать будемъ? Алдаръ-Госе говорить: «У насъ такой обычай, что старшему должно все достаться» — «А сколько тебѣ лѣтъ?» — спросилъ чортъ. «А тебѣ сколько?» — спросилъ вмѣсто отвѣта Алдаръ-Госе. «Мнѣ, когда еще земли не было, было семь лѣтъ» — сказалъ чортъ. Алдаръ-Госе заплакалъ. Чортъ спросилъ

его, о чемъ онъ плачетъ. „У меня сынъ былъ тебѣ ровесникъ.“ — сказалъ Алдаръ-Госе. Чертъ отдалъ ему все золото. Пошли они дальше и разговорились о томъ, кто чего боится. Чертъ говоритъ: „Я боюсь колючаго шиповника, плети и кинжала“. Алдаръ-Госе говоритъ: „Я боюсь хорошихъ вещей и пищи хорошей.“ Пошли они черезъ воду. Чертъ идетъ, у него вода не брызгаетъ, Алдаръ-Госе идетъ—брызгаетъ во всѣ стороны. Чортъ и говоритъ: „У тебя вода брызгаетъ; ты должно быть не нашъ“. Алдаръ-Госе взялъ песку, идетъ и бросаетъ къ ногамъ чорта, а самъ и говоритъ: „Смотри, и у тебя тоже вода брызгаетъ“. Чертъ удивился, что и у него отъ ногъ брызги летятъ. Пошли они дальше и захотѣли ѣсть. Чертъ сбѣгалъ и укралъ въ одномъ мѣстѣ немного хлѣба и мяса. Алдаръ-Госе сдѣлалъ видъ, что боится и хлѣба и мяса. Чортъ сталъ его пугать. Алдаръ-Госе забѣжалъ въ шиповникъ. Чортъ, чтобъ выгнать его изъ шиповника, сталъ кидать въ него хлѣбомъ и мясомъ. Но Алдаръ-Госе забрался въ шиповникъ еще дальше. Тогда чертъ побѣжалъ и наворовалъ всякихъ дорогихъ вещей, прибѣжалъ и сталъ ими въ Алдаръ-Госе бросать но не могъ его выгнать и ушелъ дальше одинъ.

Пять словъ.

Одинъ человѣкъ, помирая, сказалъ только что женившемуся сыну, чтобъ онъ пошелъ и нанялся въ работники, но лишь къ такому человѣку, который своимъ только личнымъ трудомъ живетъ. Померъ отецъ, сынъ пошелъ наниматься. Пришелъ онъ къ тремъ братьямъ. Старшій братъ чужимъ трудомъ жилъ и борода у него была сѣдая. „Почему у тебя борода сѣдая?“ спросилъ пришедшій. „Жена у меня худая“—отвѣтилъ тотъ. Второй братъ также чужимъ трудомъ жилъ; у него усы и борода были сѣдые. „Почему у тебя усы и борода сѣдые?“ спросилъ пришедшій. „У меня сынъ худой“—отвѣтилъ онъ. Третій братъ своимъ трудомъ жилъ, одинъ хлѣбъ сѣялъ. Пришедшій нанялся къ нему, прожилъ три года, заработалъ тридцать рублей и пошелъ домой. Подъ землей сидѣлъ въ темнотѣ человѣкъ святой, услыхалъ онъ, что идетъ кто то и сказалъ въ сдѣланное отверстіе: „Купи у меня

цять словъ.“ — Сколько возьмешь? У меня всего только есть тридцать рублей“ сказалъ шедшій работникъ „Тебѣ скажу и за тридцать рублей“ отвѣтилъ святой. Тогда работникъ спустилъ въ отверстіе всѣ деньги, которыя заработалъ въ три года. Деньги упали прямо въ руки святому и онъ сказалъ: „Гдѣ много людей, не спи крѣпко. Если утромъ кто будетъ тебя звать — поѣсть, не отказывайся, не жди чтобъ кто нибудь еще позвалъ, не надѣйся на будущее. Если спросятъ тебя, кто лучше, — говори, что всѣ хороши. Слушайся тѣхъ, кто старше тебя. Если подымешь на кого руку, — удержи ее другой рукой“. Работникъ послѣ этого опять пошелъ наниматься. Пришолъ онъ къ одному человѣку, узналъ что человѣкъ этотъ старше его на пять лѣтъ и нанялся къ нему. Разъ хозяинъ уѣхалъ, а хозяйка стала къ работнику приставать, но не могла сговорить. Когда пріѣхалъ хозяинъ, она оклеветала передъ нимъ работника. Хозяинъ послалъ его ночью за ружьемъ къ своему знакомому, думая что ночная стража поймастъ его съ ружьемъ, приметъ за вора и убьетъ. Пошелъ онъ за ружьемъ, когда стало уже зариться. Одинъ человѣкъ увидѣлъ его и узнавъ, куда онъ такъ рано пошелъ, позвалъ къ себѣ поѣсть, говоря, что за ружьемъ онъ еще сходить успѣетъ, а поѣсть горячаго не мѣшается, такъ какъ утромъ холодно. Помня слова святого, работникъ не отказался и зашелъ. Жена хозяина не утерпѣла, побѣжала узнать поймали ли его съ ружьемъ ночные сторожа и убили ли. Ночные сторожа приняли ее за блудницу, поймали и бросили въ котель. Работникъ, когда наѣлся, пошелъ за ружьемъ. Было уже утро и онъ благополучно вернулся обратно. Когда хозяинъ узналъ, что случилось съ его женой, то сказалъ, что ее, видно, Богъ наказалъ. Рѣшили они послѣ этого жить вмѣстѣ. Пошли они Богу молиться, пришли въ степь и нанялись въ работники. Въ степи воды не было, былъ всего одинъ глубокій колодезь съ подземнымъ источникомъ, но кто спускался туда за водой, того всегда вытаскивали оттуда безъ головы, охотниковъ спуститься въ этотъ колодезь больше уже не было. Хозяинъ сказалъ, что тысячу рублей заплатитъ тому, кто спустится въ колодезь. Работникъ рѣшилъ спуститься и сказалъ своему товарищу, чтобъ тысячу рублей, если онъ не будетъ живымъ, роздалъ нищимъ. Привязали

его на веревку и спустили въ колодець. Когда онъ достигъ два, то увидѣлъ ручей; по одну сторону ручья сидѣли старикъ со старухой, а по другую женихъ съ невѣстой—красавицей, у всѣхъ у нихъ въ рукахъ были сабли. Работникъ хотѣлъ зачерпнуть воды изъ ручья, но они обступили его и сказали: „Скажи намъ сначала кто изъ васъ красивѣе?“ Работникъ вспомнилъ слова святого и сказалъ: „Всѣ вы красивы. Ты дѣдушка, и ты бабушка, молодыми были такіе же, какъ вотъ они теперь; теперь вы состарились, но хуже не стали. А вы, молодые, когда состаритесь, такіе же будете какъ дѣдушка и бабушка. Всѣ вы ходите другъ на друга, какъ родные.“ Послѣ этого они дали ему воды. Когда вытащили его съ водой, онъ взялъ тысячу рублей и пошелъ домой. Дорогой онъ остановился ночевать на постояломъ дворѣ у татарина. У этого татарина было двѣнадцать сыновей, двѣнадцать дочерей и двѣнадцать снохъ. Ночью, когда всѣ крѣпко заснули, татаринъ всталъ и свистнулъ. — изъ земли вылѣзли свиньи въ хомутахъ и начали землю пахать, вспахали и посеяли, хлѣбъ выросъ, свиньи сжали его, смолотили и смололи. Татаринъ взялъ муку, сдѣлалъ кисель и легъ опять спать. Работникъ не крѣпко спалъ и все видѣлъ. Когда татаринъ заснулъ, онъ взялъ сдѣланный имъ кисель себѣ а ему сдѣлать новый кисель изъ простой муки. Утромъ сталъ татаринъ киселемъ угощать, работникъ съѣлъ чашку киселя и въ свою очередь сталъ угощать киселемъ, далъ всѣмъ по полной чашкѣ. Сыновья, дочери и снохи, какъ съѣли кисель, такъ сдѣлались свиньями, но съ самимъ татаринѣмъ ничего не сдѣлалось. Сталъ татаринъ съ работникомъ судиться. Работникъ разсказалъ судьямъ, какъ дѣло было. Судьи велѣли татарину голову отрубить, а имущество его работнику отдать. Работникъ возвратился домой богачемъ. Когда зашелъ онъ въ домъ то увидѣлъ, что жена его спитъ съ какимъ-то человѣкомъ. У чело- вѣка этого золотая косичка. Онъ схватилъ ножъ и хотѣлъ ударить имъ спавшаго человѣка, но руку его задержалъ кто то, тогда онъ вспомнилъ слова святого и другой рукой схватилъ себя за руку. Жена его проснулась въ это время, узнала его и обрадовавшись сказала: „Двадцать лѣтъ тебя не было, посмотри какой сынъ у тебя выросъ. Не буди его, онъ спитъ крѣпко.

Онъ богатырь, онъ всѣхъ богатырей перебилъ. Посмотри, у него золотая косичка.“

П р и м ѣ ч е н і я

Всѣ сказанія и сказки записаны мною со словъ киргизъ, живущихъ въ д. Быковой, Верхъ-Бухтарминской волости, Змѣиногорскаго уѣзда, Томской губерніи. Сказки—О соломонѣ, о суркѣ о лисицѣ, о сорокѣ записаны со словъ Нурпаиса Козубаева, 46 лѣтъ. Сказаніе о Темиръ-ханѣ записано со словъ Мурукуша Тарабаева, 13 лѣтъ. Остальныя сказанія и сказки записаны со словъ Шуюнбека Тулепова, 55 лѣтъ, родомъ Узымультукъ-керей, — Черюше.

Алексѣй Бѣлослюдовъ.

1914 годъ.

Примѣчанія.

1) *Сказаніе о созвѣздіи Плеядъ*. См. „Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи“ вып. II стр. 124; IV, стр. 203. Распространеніе этого преданія ограничивается Киргизской степью, Алтаемъ и Сѣв. Монголіей.

2) *О Соломонѣ и его женѣ*. См. „Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи“ вып. IV стр. 173, 367, 758, 784; „Сага о Соломонѣ“, Томскъ 1912 г., стр. 133. Въ восточныхъ, т. е. монгольскихъ вариантахъ, на мѣстѣ Соломона стоитъ птица Ханъ-Гариде.

3) *О Большой Медвѣдицѣ*. „См. Очерки С.-З. Монголіи“ IV, 784, гдѣ помѣшенъ рассказъ о кающихся разбойникахъ, записанный Чоканомъ Валихановымъ. Ср. также съ бурятской сказкой Унышкэн-хубунъ „Сказанія бурятъ“, Иркутскъ 1890 г.

4) *О ежѣ*. См. „Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири“ Агапитова и Хангалова, отдѣльный оттискъ изъ извѣстій Вост. Сиб. Отд. Геогр. О-ва, стр. 59: Неисполнимая задача поймать солнечные лучи; въ славянской Палѣ задача свить веревку изъ отрубей, „уже отрубяно“; въ другихъ случаяхъ веревка изъ песку. (А. Н. Веселовскій „Сказаніе о Соломонѣ и Китоврасѣ“ стр. 349).

5) *О горѣ Сартуло-ой*. Это несомнѣнно легенда о горѣ Калмы Тологой, лежащей къ с. отъ г. Кокбекты, записи о которой помѣшены въ „Очеркахъ С. З. Монголіи“ вып. II 170, вып. IV 839. Старшій братъ въ напечатанныхъ ранѣ записяхъ называется Сартактай Кэзэръ. Въ примѣч. къ записямъ, помѣщеннымъ въ „Очеркахъ“, указанъ литературный матеріалъ, относящійся къ этому преданію. Преданія о Сартактаѣ распространены въ районѣ между р. Катунью въ Алтаѣ, г. Хобдо въ С.-Зап. Монголіи и Зайсанской котловиной. Тема о раздавленномъ горой богатырѣ связана также съ снѣжной горой Сауръ (къ Ю. В. отъ оз. Зайсана); можетъ быть это имя подало поводъ разсказчику вмѣсто Калмы-

Тологой поставить Сартулогой (тологой по монгольски голова; это слово часто дается въ качествѣ второго члена имени скалистыѣ холмамъ, отдѣльно стоящимъ на открытой степи). Сюжетъ о двухъ братьяхъ, несущихъ гору, широко разнесенъ изъ района, въ которомъ распространены преданія о Сартактаѣ. Изъ нижнемъ Поволжѣ онъ связанъ съ горой Богдо. За отголоски того же сказанія можно признать преданія объ Аланъ-Хазарѣ, рассказываемыя въ Таласѣ, русскомъ Туркестанѣ (Вост. Мотивы стр. 176) и преданія о Гусарѣ на Желтой рѣкѣ въ сѣв. Тибетѣ („Танг. Тиб. Окр. Китая“ т. II. 300).

6) *О происхожденіи Киреевъ.* Двѣнадцать поколѣній Абакъ-Киреевъ перечислены въ „Очеркахъ С.-З. Монголіи“ вып. II стр. 3. Общія имена обоихъ списковъ: Джантыкэй, Джасъ-табанъ, Каракасъ, Черюши (въ моемъ списокѣ Чиреучи). Лишними въ „Очеркахъ“ противъ новаго списка являются: Джадыкъ, Ители, Мулку, Чубаръ-айгыръ, Мэркитъ, Итэнгмянь, Сарбасъ, Чій-моинъ. Черюши или Чиреучи ср. съ Тереучи; такъ называется институтъ деревенскихъ чиновъ въ долинѣ Желтой рѣки въ провинціи Гань-су, обязанныхъ участвовать въ обрядѣ во время грозы („Танъ-Тибет. Окр. Китая“ т. I, 375).

7) *О девяти братьяхъ.* Это начало большой сказки объ Ирѣ-Тушлюкѣ или Эрѣ-тостокаѣ, распространенной у сибирскихъ татаръ и киргизъ. Сказка сибирскихъ татаръ записана Радловымъ (Рубen IV, 443). Я записалъ киргизскіе варианты: одинъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, другой въ Каркаралинскомъ; оба еще не напечатаны. Вариантъ этой сказки записанъ у оренбургскихъ киргизъ Васильевымъ и напечатанъ въ Оренбургѣ.

8) *О Чингисѣ.* Киргизское преданіе о гонимомъ Чингисѣ записано Радловымъ. (Рубen III 85, 86); сходный съ Радловскимъ вариантъ записанъ мною въ Кокчетавскомъ уѣздѣ. Двѣнадцать биевъ, нашедшіе бѣжавшаго Чингиса хана, садятъ его въ телѣгу и везутъ на себѣ; Калтаръ-бий отказался встать въ упряжку, потому что онъ хромымъ и просилъ посадить его въ телѣгу, а когда Чингиса привезли къ народу, Калтаръ-бий потребовалъ, чтобъ его сѣлали визиремъ, такъ какъ онъ не везъ телѣгу, а ѣхалъ въ ней рядомъ съ Чингисъ-ханомъ. Эпизодъ о сестрѣ Чингисъ-хана, у которой

загорѣлась свѣча и которая сдѣлалась русской царицей, ср. съ бретонской сказкой: Христикъ, изгнанный изъ родительскаго дома, входитъ въ городъ Римъ во время избранія папы вмѣстѣ съ толпой народа; папскій престолъ займетъ тотъ изъ народа, надъ которымъ затеплится свѣча, поставленная надъ городскими воротами (Melusine t. VIII № 1 feur. 1896, p. 17). Я думаю, что то, что рассказано о сестрѣ Чингисъ-хана, въ другихъ вариантахъ относилось къ нему самому. Въ книжномъ преданіи Чингисъ-хана избираютъ царемъ товарищи, раздѣлявшіе его изгнаніе. Загорающаяся свѣча, какъ признакъ царской природы, есть и въ русскихъ сказкахъ; см. Афанасьевъ № 114а, 115 и 179 (Свѣча загорается въ рукахъ Елены Прекрасной). На мѣстѣ свѣчи могла стоять сухая процвѣтающая вѣтвь (ср. Мори Legendes pieuses etc. 74 и слѣд.).

9) *О народѣ Мыкъ*. Въ 1912 году я слышалъ преданіе о народѣ Мыкъ въ Каркаралинскомъ уѣздѣ, но безъ связи съ древними могильными надписями; послѣднія въ Каркаралинскомъ у. называются „Калмыкъ-оба“, т. е. приписываются историческому народу калмыкъ.

10) *Идыге-би и Тохтамышъ*. Литературу объ этой сказкѣ см. въ моей статьѣ „Тюркская сказка объ Идыге“ (Живая Старина вып. IV 1897 г. стр. 293) и въ примѣчаніяхъ къ этой сказкѣ изъ Каркаралинскаго собранія, которое печатается въ настоящее время въ Омскѣ въ „Запискахъ“ Отдѣла Геогр. О-ва. Другъ Эдыге въ Каркаралинскомъ вариантѣ называется Джалбай; во всѣхъ другихъ вариантахъ имя этого друга ближе къ зайсанской версіи Кекъ-Женбай. Разсѣченіе жидкости въ чашкѣ ср. съ монгольской легендой о Гегенѣ, который своей чудотворной силой раздѣлилъ смѣсь изъ молока и воды, поданную ему въ чашкѣ („Очерки Сѣв. 3 Монголіи“ вып. IV стр. 258.) Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ“ въ главѣ XIV я проводилъ параллель между тюркской сказкой объ Идыге-би съ монгольскимъ книжнымъ сказаніемъ о Чингисъ-ханѣ и съ библейскимъ рассказомъ о Саулѣ и Давидѣ. Чингисъ служить у Вана, хана Киреевъ; Санъ Кунъ, сынъ Вана, наговариваетъ на Чингиса; здѣсь Санъ-Кунъ на мѣстѣ жены Тохтамыша. Ванъ сначала не вѣритъ и отказывается принять мѣры; этой мелкой чертѣ въ киргизской сказкѣ соответствуетъ рассказъ о томъ, что Тохта-

мышь не вѣрить, будто онъ вздрагиваетъ при появленіи Идыге или встаетъ съ престола, какъ въ другихъ вариантахъ. Въ концѣ концовъ Ванъ уступаетъ и принимаетъ участіе въ придворномъ заговорѣ противъ Чингиса. Заговорщики рѣшили объявить Чингису, что Ванъ согласился отдать за него свою дочь, въ чемъ раньше ему отказывалъ; пусть придетъ въ ханскую ставку; когда Чингисъ придетъ, заговорщики его убьютъ. Такой редакціи въ прежде записанныхъ вариантахъ киргизской сказки еще не было замѣчено; зайсанская запись служитъ новымъ подтвержденіемъ моего предположенія о тождествѣ монгольского сказанія съ киргизскимъ.

Инцидентъ съ молокомъ, которое мать Идыге приснула ему въ глаза, напоминаетъ одинъ инцидентъ изъ монгольской повѣсти о Беэрѣ. Небесная женщина Гормо опьянѣла отъ вина, поднесеннаго ей Гэсэромъ, и заснула; проснувшись, она замѣтила, что Гэсэръ похитилъ ея эрдени-„драгоценности“ (талисманы). Она вслѣдъ убѣгавшему Гэсэру приснула свое молоко, отчего образовался на небѣ млечный путь. („Тангуты-Тибет. Окр. Китая“, томъ II стр. 84). По аналогіи съ другими легендами о похищеніи талисмана или священнаго предмета, внезапно возникающая рѣка должна преградить путь. Такъ, въ монгольской сказкѣ, когда Абатай-ханъ похитилъ Ахасскую святыню, на его пути внезапно разлилась вода; въ Тибетской сказкѣ, которая принадлежитъ къ циклу сказаній о похищеніи эрдени или талисмана, также стоитъ внезапный разливъ воды; см. въ моей книгѣ „Сага о Соломонѣ“ стр. 4 и слѣд.; въ русской сказкѣ изъ Смоленской губ. внезапная рѣка появляется вслѣдъ за похищеніемъ живой и мертвой воды (Смоленскій сборникъ I, 501). Въ другомъ мѣстѣ я старался объяснить, почему въ Радловскомъ вариантѣ киргизской сказки Идыге переѣхалъ черезъ рѣку Идилъ, а Джанбай не попалъ на другую сторону, тѣмъ, что рѣка Идилъ появилась только въ тотъ моментъ, когда Джанбай догналъ Идыге. Въ разсказахъ о наводненіи или о внезапномъ появленіи рѣки можно подозрѣвать, что тутъ скрывается сюжетъ о похищеніи талисмана или священнаго предмета.

Міюсь-Алыпъ состоитъ изъ двухъ членовъ: міюсь по киргизски рогъ, алыпъ-великанъ, силачъ, богатырь. Кажется будетъ

вѣрнѣе мѣюсъ производить отъ монгольскаго „мангысь“ или „монгусъ“ — чудовище, огненный змѣй, пожирающій скотъ и людей. Монгольская форма мынгысь у сосѣднихъ турковъ переходитъ въ „моосъ“, у бурятъ въ „моисъ“.

Смерть Кей-Куата имѣеть параллели. Въ сказкѣ сибирскихъ татаръ о замерзающемъ во льду Самаръ-Казанѣ или Саларъ-Казанѣ (Radloff Proben IV, 61) и въ кавказскихъ сказкахъ о Сосрукаѣ. Въ одномъ вариантѣ замерзаетъ Пятиголовый (Бмегенъ) (Сборникъ матеріаловъ для описанія народовъ и мѣстностей Кавказа, вып. 25, стр. 73), въ другомъ Елтаганъ (Вс. Миллеръ „Осетинскіе этюды“ ч. I ст. 33).

11) *Искендыръ Ханъ*. Тема о царѣ съ бычьими рогами или ослиными ушами распространена въ Средней Азійѣ отъ Каспійскаго моря на западъ до Хингана и Ордоса на востокъ и Тибетской Лхассы на югъ. Киргизы къ востоку отъ Балхаша и вокругъ Иссык-Куля связываютъ эту тему съ именемъ Асъ-Джанибекъ ханъ, въ остальной части киргизской степи съ именемъ Искандеръ; монголы съ именемъ Эльджигенъ, Чиктей ханъ — царь съ ослиными ушами, или Эльджигенъ-дологойту, духанъ съ ослиной головой. Бенфей думалъ, что тема о царѣ Мидасѣ зашла въ среднюю Азію изъ Греціи, но это сомнительно. Тема о состояніи Аполлона съ Марсіемъ въ игрѣ на музыкальномъ инструментѣ, связанная съ Мидасомъ, въ средней Азійѣ не знаютъ, а вмѣсто того, монголы и тибетцы ставятъ этого царя въ связи съ космогонической легендой о сотвореніи міра и съ представленіями о царѣ ада Ерликѣ, которому приписывается бычачья голова или бычачьи рога. Въ тибетскомъ преданіи, царь съ бычачьими рогами называется Ландарма. Оближеніе тибетскаго имени съ мусульманскимъ Искандеръ и съ индѣйскимъ Гандарва мною сдѣланы въ книгѣ „Сага о Соломонѣ“ стр. 148.

12) *Дѣвица Дарига*. По словамъ г. Ермекова, въ аулѣ котораго на рѣкѣ Былыздакъ въ Каркаралинскомъ уѣздѣ жилъ въ томъ 1912 года, сказка о дѣвицѣ Даригѣ принадлежитъ къ той категоріи образцовъ литературы, которую киргизы называютъ „кса“. Это книжное произведеніе. Сказка о дѣвицѣ Даригѣ и ея сынѣ Сайдыльдѣ была записана ранѣе въ Зайсанскомъ краѣ.

миссіонеромъ о. Ивановскимъ; покойный Вел. Миллеръ указалъ на явн. сходство съ былинной о боѣ Ильи Муромца со своимъ сыномъ. (Этнографич. Обзоріе, VII кн., стр. 120). Въ записи о. Иванова Дарига названа „русской дѣвицей“. Свои подозрѣнія, что подъ этимъ именемъ скрывается монголо-будійское божество женскаго пола Дарихе (Дара Эхе, „мать Дара“), мною высказано въ Этнографич. Обзор. кн. VII, стр. 141.

13) *Адышизъ*. См. Радловъ (Der Schädel der Proben, III 488-491) и у А. Н. Веселовскаго въ статьѣ „Мелкія замѣтки къ былинамъ“. XII „Къ Сербской легендѣ о Константинѣ Великомъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. май 1888 г.)

14) *Саунабиръ-ханъ*. Остроумовъ „Приключенія царевича Санаубара“ въ Зап. Импер. Р. Геогр. Об-ва томъ XXXIV. Саунабиръ-ханъ отрубаетъ Джалмангысу шесть головъ. Съ седьмой головой Джалмангысъ улетаетъ. Въ кавказской легендѣ Амيرانъ отсѣкаетъ шесть головъ птицъ Пасканди, проглотившей его двухъ братьевъ, съ седьмой чудовище улетаетъ (Вел. Миллеръ „Осетинскіе этюды“ I, 145). Въ монгольскомъ преданіи о Плеядахъ корова давить своимъ копытомъ одну изъ звѣздъ Плеядъ, а остальные шесть улетаютъ на небо. (Очерки С.-З. Монголіи, вып. II, стр. 124, вып. IV, стр. 203). Въ большинствѣ случаевъ въ киргизскихъ сказкахъ стоитъ форма Джалмаусъ. Только у Радлова въ одной изъ таранчинскихъ сказокъ записана форма джалмонгусъ. Изъ этихъ записей слѣдуетъ, что киргизское джалмаусъ нужно расчленивать на джалъ и маусъ, а не на джалмъ и маузъ, „ротъ“.

15) *Заарлыкъ-ханъ*. Эта сказка, подобно сказкѣ о дѣвицѣ Даригѣ, принадлежитъ къ категоріи „кса“. Имя Кульмесь ср. съ именемъ Барса-Кельмась въ сказкѣ сибирскихъ татаръ Иртугилъ, которая записана Радловымъ (Proben IV, 443); въ вариантѣ, записанномъ г. Васильевымъ у оренбургскихъ киргизъ, на мѣстѣ Барса-Кельмаса стоитъ Кульбисъ. По киргизски кульмесь значитъ не смѣется; въ русской сказкѣ о Басаргѣ царь Несмѣянъ какъ будто переводъ киргизскаго Кульмесь-ханъ, но сюжетъ русской сказки не сходенъ съ киргизскимъ.

16) *Арыкъ-Мергенъ*. Эпизодъ объ одноглазomъ людоедѣ вставленъ въ русскую сказку о Борѣ Арыкѣ (И. Н. Ждановъ. Рус-

скій былевой эпосъ. Спб. 1895, стр. 1-32, см. также мою статью Бухтарминскій вариантъ сказки о Бормѣ, „Сибирскій Студентъ“ 1914 г. № 1, стр. 105. Въ толковомъ словарѣ Даля ярыга, ярыжка-низшій служитель полиціи, пьяница. Поведеніе Арыкъ-Мергеня, встрѣчающаго восходъ солнца и провожающаго закатывающееся солнце, есть отзвукъ наблюденій надъ звѣздой Венерой, которая дольше другихъ звѣздъ остается на небѣ во время восхода и первою появляется во время заката. Широнголы въ сѣв. Тибетѣ зарницу называютъ Гегенъ-хоту, т. е. свѣтлая звѣзда; свѣтлый по тюркски-арыкъ Монголы въ большомъ Хинганѣ зарницу называютъ Хутульчи „обманщикъ“.

16) *О трехъ братьяхъ*. Вариантъ этой сказки записанъ г. Еремковымъ въ Каркаралинскомъ у. подъ названіемъ Уш Ойши.

Примѣчанія къ сказкамъ Джиренше-шешень и Алдаръ-Госе сдѣланы мною къ тѣмъ же сказкамъ, записаннымъ въ Каркаралинскомъ уѣздѣ и печатающимся въ настоящее время въ „Запискахъ“ Зап.-Сибир. Отдѣла Геогр. Об-ва.

Г. Н. Потанинъ.